

Наринэ Абгарян

Две
повести
о Манюне

Наринэ Абгарян
Две повести о Манюне

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Абгарян Н. Ю.

Две повести о Манюне / Н. Ю. Абгарян — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-093142-2

С взрослыми иногда случаются странные вещи. Они могут взять и замереть среди бела дня. В мойке льется вода, в телевизоре футбол, а они смотрят в одну точку, сосредоточенно так смотрят и чего-то думают. Кран в мойке не закручивают, на штрафной не реагируют, на вопросы не отвечают, и даже за двойки в дневнике не ругают! Вы, пожалуйста, не подкрадывайтесь сзади и не кричите им в спину «бу»! Взрослые в такие минуты очень беззащитны – они вспоминают свое детство. Хотите узнать всю правду о ваших родителях? Вот вам книжка. Прочитайте, а потом придите к ним, встаньте руки в боки, посмотрите им в глаза и смело заявляйте: «И вы ещё за что-то нас ругаете»? И пусть они краснеют за то, что были такими шкодливymi детьми. И, говоря между нами, шкодливymi по сию пору и остались. Только тщательно это от вас, своих детей, скрывают.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-093142-2

© Абгарян Н. Ю., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Книга 1	6
Вместо вступления	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Пролог	32
Завязка	33
Кульминация	34
Развязка	35
Эпилог	37
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	62
Глава 12	68
Глава 13	73
Глава 14	79
Глава 15	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Наринэ Абгарян

Две повести о Манюне

© Наринэ Абгарян, 2011

© Елена Станикова, иллюстрации, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Книга 1 Манюня

Маме и папе – с чувством бесконечной любви и благодарности

Манюня

Вместо вступления

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шепучной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вышедшая из берегов река бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Слово холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие сакли. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким голосом оровел...¹ «Ани-ии-ко, – прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха, – Ани-ии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»

Много ли вы знаете провинциальных городков, где можно забраться на высокую наружную стену разрушенного замка и, замирая от страха и цепляясь холодными пальцами за плечи друзей, глядеть вниз, туда, где в глубине ущелья пенится белая безымянная речка? А потом, не обращая внимания на табличку с грозной надписью: «Охраняется государством», – лазить по крепости в поисках потаенных проходов и несметных богатств?

У этого замка удивительная и очень грустная история. В X веке он принадлежал армянскому князю Цику Амраму. И пошел князь войском на своего царя Ашота II Багратуни, потому что тот соблазнил его жену. Началась тяжелая междоусобная война, на долгие годы парализовавшая страну, которая и так была обескровлена набегами арабских завоевателей. А неверная и прекрасная княгиня, терзаемая угрызениями совести, повесилась в башне замка.

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образовавшемуся внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выдержала все набеги кочевников и, не случись того землетрясения, до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, выросший потом вокруг развалин, назвали Берд. В переводе с армянского – крепость.

Народ в этом городке весьма и весьма специфический. Более упрямых или даже острее-нело упертых людей никто в мире не видывал. Из-за своего упрямства жители городка заслуженно носят прозвище «упертых ишаков». Если вы думаете, что это их как-то задевает, то очень ошибаетесь. На улицах часто можно услышать диалог следующего содержания:

– Ну чего ты добиваешься, я же бердский ишак! Меня убедить очень сложно.

– Ну и что? Я тоже, между прочим, самый настоящий бердский ишак. И это еще вопрос, кто кому сейчас уступит!

А чтобы не быть голословной, приведу пример знаменитого упрямства бердцев.

Летом в Армении празднуют Вардавар – очень радостный и светлый, уходящий корнями в далекое языческое доисторье, праздник. В этот день все от мала до велика поливают друг друга водой. С утра и до позднего вечера, из какой угодно тары. Единственное, что от вас требуется, – хорошенечко намылиться, открыть входную дверь своей квартиры и встать в проеме. Можете не сомневаться: за порогом вас поджидает толпа промокших до нитки людей, которые с диким криком и хохотом выльют на вас тонну воды. Вот таким нехитрым способом можно помыться. Шучу.

На самом деле, если вас на улице незнакомые люди окатили водой, обижаться ни в коем разе нельзя – считается, что вода в этот день обладает целительной силой.

¹ Традиционная армянская песня пахаря.

Так вот. Апостольская Церковь попыталась как-то систематизировать народные праздники и, пустившись во все тяжкие, утвердила за Вардаваром строго фиксированный день. Совершенно не принимая в расчет упертость жителей нашего городка.

А стоило бы. Потому что теперь мы имеем следующую ситуацию: по всей республике Вардавар празднуют по указке Церкви, а в Берде – по старинке, в последнее воскресенье июля. И я вас уверяю, издай Католикос специальный указ именно для жителей нашего городка, ничего путного из этого не вышло бы. Пусть Его Святейшество даже не пытается, так ему и передайте. С нашими людьми можно договориться только тогда, когда они этого хотят.

То есть никогда.

Теперь, собственно, о главных героях нашего повествования.

Жили-были в городке Берд две семьи – Абгарян и Шац.

Семья Абгарян могла похвастаться замечательным и нестигаемым как скала папой Юрой, самоотверженной и прекрасной мамой Надей и четырьмя разнокалиберными и разновозрастными дочерьми – Наринэ, Каринэ, Гаянэ и Соной. Потом в этой счастливой семье родился долгожданный сын Айк, но случилось это спустя несколько лет после описываемых событий. Поэтому в повествовании фигурируют только четыре девочки. Папа Юра работал врачом, мама преподавала в школе русский язык и литературу.

Семья Шац могла похвастаться Ба.

Конечно, кроме Ба, семья Шац включала в себя еще двух человек: дядю Мишу – сына Ба, и Манюню, дяди-Мишину дочку и, соответственно, внучку Ба. Но похвастаться семья, в первую очередь, могла Ба. И лишь потом – всеми остальными не менее прекрасными членами. Дядя Миша работал инженером, Ба – мамой, бабушкой и домохозяйкой.

Долгое время герои нашего повествования практически не общались, потому что даже не подозревали о существовании друг друга. Но однажды случилась история, которая сблизила их раз и навсегда.

Это был 1979 год. На носу 34-я годовщина Победы. Намечалось очередное мероприятие в городском доме культуры с чествованием ветеранов войны. На хор бердской музыкальной школы была возложена ответственная миссия – исполнить «Бухенвальдский набат» Соболева и Мурадели.

Хор отчаянно репетировал, срывая голос до хрипоты. Замечательный хормейстер Серго Михайлович бесконечно страдал, подгоняя басы, которые с досадным постоянством на пол-такта зависали во вступлении. Серго Михайлович заламывал руки и причитал, что с таким исполнением «Бухенвальдского набата» они опозорятся на весь город и в наказание хор расформируют к чертям собачьим. Хористы почему-то расстраивались.

Настал день икс.

И знаете, что я вам скажу? Все бы обошлось, если бы не длинная двухступенчатая скамья, на которую во время коротенького антракта лихорадочно водрузили второй и третий ряды хористов. Все складывалось образцово – песня полилась ровно и прочувствованно, басы вступили неожиданно вовремя, Серго Михайлович, дирижируя, метался по сцене такими зигзагами, словно его преследовала злая оса. Хористы равномерно покрывались мурашками от торжественности момента. Зал, по первости заинтригованный хаотичными передвижениями хормейстера, проникся патетическим набатом и притих.

Ничто, ничто не предвещало беды.

Но вдруг. На словах. «Интернациональные колонны с нами говорят». Хор услышал. У себя. За спиной. Странный треск. Первый ряд хористов обернуться не посмел, но по вытянутому лицу хормейстера понял, что сзади происходит что-то ужасное.

Первый ряд дрогнул, но пения стойчески не прервал, и на фразе: «Слышите громовые раскаты? Это не гроза не ураган», – скамейка под вторым и третьим рядами с грохотом развалилась, и ребята посыпались вниз.

Потом ветераны удивлялись, как это они, будучи людьми достаточно преклонного возраста, гремя орденами и медалями, перемахнули одним прыжком через высокий борт сцены и стали разгребать кучу-малу из детей.

Хористы были в отчаянии – все понимали, что выступление провалено. Было обидно и тошно, и дети, отряхивая одежду, молча уходили за сцену. Одна из девочек, тощая и высокая Наринэ, сцепив зубы, тщетно пыталась вылезти из-под полненькой и почему-то мокрой Марии, которая тихой мышкой лежала на ней.

– Ты хоть подвинься, – прошипела она.

– Не могу, – прорыдала Мария, – я описалась!

Здесь мы делаем глубокий вдох и крепко задумываемся. Ибо для того, чтобы между двумя девочками зародилась лютая дружба на всю оставшуюся жизнь, иногда просто нужно, чтобы одна описала другую.

Вот таким весьма оригинальным образом и подружились Наринэ с Манюней. А потом подружились их семьи.

«Манюня» – это повествование о советском отдаленном от всяких столиц городке и его жителях. О том, как, невзирая на чудовищный дефицит и всевозможные ограничения, люди умудрялись жить и радоваться жизни.

«Манюня» – это книга для взрослых детей. Для тех, кто и в тринадцать, и в шестьдесят верит в хорошее и смотрит в будущее с улыбкой.

«Манюня» – мое признание в бесконечной любви родным, близким и городу, где мне посчастливилось родиться и вырасти.

Приятного вам чтения, друзья мои.

И да, кому интересно: наш хор таки не расформировали. Нам вручили грамоту за профессиональное исполнение «Бухенвальдского набата» и премировали поездкой на молочный комбинат.

Лучше бы расформировали, честное слово.

Глава 1

Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль

По ходу повествования у вас может сложиться впечатление, что Ба была вздорной, упертой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так. Ба была очень любящим, добрым, отзывчивым и преданным человеком. Если ее не выводить из себя – она вообще казалась ангелом во плоти. Другое дело, что вывернуться Ба могла по любому, даже самому незначительному, поводу. И в этот нелегкий для мироздания час операция «Буря в пустыне» могла показаться детским лепетом по сравнению с тем, что умела она устроить! Легче было наместить в совок и выкинуть за амбар последствия смерча, чем пережить шторм бабы-Розиного разрушительного гнева.

Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы.

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня – по классу скрипки, я – фортепиано. Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в иную, если позволите такое выражение – остервенелую плоскость. Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случалось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр – он был совсем не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой – знакомиться с моей семьей.

Маня замялась.

– Понимаешь, – потупилась она виновато, – у меня Ба.

– Кто? – переспросила я.

– Ну Ба, баба Роза.

– И что? – Мне было непонятно, к чему Маня клонит. – У меня тоже бабушки – Тата и Настя.

– Так у тебя бабушки, а у меня Ба, – Маня посмотрела на меня с укоризной. – У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

– Да какая же я тебе незнакомая? – развела я руками. – Мы уже целую вечность дружим, аж, – я посчитала в уме, – восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

– Давай так, – предложила она, – я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

– Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

– Понимаешь, – Маня смотрела на меня виновато, – Ба не разрешает мне названивать незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе названивать!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но бесспорный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протянула мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи:

«Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Эсли можеш, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала маленький домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорщилась лучиками желтая лампочка Ильича; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой, упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучерявого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял пучеглазый месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синний корандаш потеряла, поэтому небо зеленое, но это ничево. Конец».

Я прослезилась.

* * *

Собирала меня мама в гости как на Судный день. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть скудной мышечной массы. Потом она туго заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться, ни дыхнуть, ни пернуть. Вот приблизительно так я себя и чувствовала, но моя неземная красота требовала жертв, поэтому я стойчески выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье – нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

– Поставишь пятно – выпорю, – ласково предупредила мама, – твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбомом и коробкой конфет для Ба. Пакет был невероятно красивый – ярко-голубой, с одиноким красавцем-ковбоем и надписью «MARLBORO». Таких пакетов у мамы было несколько, и она берегла их как зеницу ока для самых торжественных случаев. Кто застал дефицит советской поры, тот помнит, сколько сил и невероятной смекалки нужно было затратить, чтобы достать такие полиэтиленовые пакеты.

– Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себя прилично и не скачи по дому как ненормальная, – мама продолжала выкрикивать инструкции по

поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда. – Платье береги!!! – Голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину.

– Хорошооооо!

* * *

Маня в нетерпении переминалась возле калитки своего дома. Издали заприметив меня, она побежала навстречу.

– Какая ты сегодня красивая, – выдохнула она.

– Для твоей бабушки старалась, – пробубнила я. Весь мой боевой запал мигом куда-то улетучился, у меня двоилось в глазах, не разгибались колени и предательски потели руки.

Маня заметила мое состояние.

– Да ты не волнуйся, у меня мировая Ба, – она погладила меня по плечу, – ты только во всем соглашайся с ней и не ковыряйся в носу.

– Хорошо, – каркнула я – в довершение ко всему у меня пропал голос.

Маня жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими лоджиями. «Зачем им столько лоджий?» – лихорадочно соображала я, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Мое внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся в непосредственной близости от дома. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

– Мы здесь с папой по вечерам играем в шашки, – пояснила Манюня, – а Ба сидит рядом и подсказывает то мне, то ему. Ор стоит! – Манька закатила глаза. Мне стало еще страшнее.

Она толкнул входную дверь и шепнула:

– Ба, наверное, уже вынимает песочное печенье из духовки.

Я повела носом – пахло чем-то нестерпимо вкусным. Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким. Мы шли по длинному, узкому коридору, который упирался в холл. Слева была деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Напротив стоял большой комод из черного дерева, увенчанный двумя латунными семисвечниками, на полу лежал ковер с тонким восточным рисунком, вся стена над комодом была увешана фотографиями в рамках. Я подошла поближе, чтобы разглядеть лица на фотографиях, но Маня дернула меня за руку – потом. Она указала на дверь справа, которую я не сразу заметила.

– Нам туда!

И тут силы окончательно покинули меня. Я поняла, что не в состоянии ступить и шага.

– Не пойду, – горячо зашептала я, – возьми пакет, тут конфеты для твоей бабушки и наш семейный альбом с фотографиями.

– Ты чего? – Маня вцепилась мне в руку. – Совсем с ума сошла? Пойдем, у нас еще мороженое есть!

– Нет, – я отступила к входной двери, схватилась за ручку, – я не ем мороженое. И печенье не ем, и вообще мне уже пора домой! Меня мама заждалась!

– Нарка, ты соображаешь, что творишь? – Манька повисла на мне и попыталась отодрать от дверной ручки. – Куда ты пойдешь, что я Ба скажу?

– Не знаю, что хочешь, то и говори, – перевес сил был явно в мою пользу, еще минута – и я бы вырвалась из дома.

– Что это вы тут затеяли? – Внезапно прогремевший сзади трубный глас пригвоздила нас к полу.

– Ба, она совсем с ума сошла, хочет домой уйти, – Маня все-таки оторвала меня от дверной ручки и толкнула в коридор, – стесняется тебя, вот ненормальная!

– А ну-ка, марш обе на кухню! – скомандовал трубный глас.

Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз. Боковым зрением воровато выхватила большую ступню в теплом домашнем тапке да кусочек платья в мелкий цветочек.

Кухня мне сразу понравилась. Она была очень просторной, с многочисленными шкафчиками, низким абажуром и простенькими ситцевыми шторами на окнах.

– Сейчас будем знакомиться, – голос прогремел прямо за моей спиной.

Мне стало страшно, как в приемной у врача.

Но выхода не было, пришлось оборачиваться. Ба пристально смотрела на меня поверх своих больших очков. У нее оказались светлые карие глаза и седые выющиеся волосы, которые она стянула в пучок на затылке. Она была достаточно грузной, но, как потом оказалось, совершенно легкой на подъем и несла свое большое тело с невероятным достоинством. Еще у нее была родинка на щеке – кругленькая и смешная. Я вздохнула с облегчением. Это была обычная бабушка, а не огнедышащее чудище!

Маня подошла к Ба и обняла ее за талию. Прижалась щекой к ее животу.

– Скажи, Нарка – ПРЕЛЕСТЬ? – спросила.

– Вы все прелестные, только когда спите, – отрезала Ба и обратилась ко мне: – Ну что, девочка, будешь со мной здороваться или как?

– Здравссыти, – пискнула я.

– Здравствуй, коль не шутишь, – Ба фыркнула, а потом коротко рассмеялась.

Я чуть не лишилась чувств – Ба смеялась так, словно где-то у нее в животе терзают несчастное животное.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Ба, ну я же тебе говорила, – встряла Маня.

– Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, – одернула ее Ба. Манюня надулась, но промолчала.

– Наринэ, – пискнула я, а потом, мобилизовав остатки сил, добавила: – Очень приятно с вами познакомиться!

Видимо, несчастное животное внутри практически домучивали, потому что хохот, который издала Ба, больше напоминал агонизирующий хрип.

– Долго репетировала речь? – спросила она меня сквозь свой апокалипсический смех.

– Долго! – призналась я виновато.

– А что это у тебя в руках?

– Пакет, это подарок вам!

– Ты мне в подарок пакет принесла? – прищурилась Ба. – Это до чего же дефицит людей довел, что в подарок уже пакеты несут!

– Там еще конфеты и наш семейный альбом, – я сделала нерешительный шаг и протянула пакет.

– Спасибо, – Ба заглянула в пакет, – ооооо, трюфели, это же мои любимые конфеты!

У меня словно камень с души свалился. Я счастливо вздохнула и выпятила грудь.

– Ты чего такая худющая? – Она подозрительно окинула меня взглядом с ног до головы и сделала пальцем круговое движение. – Ну-ка повертись!

Я повертелась.

– Мама мне по две пары колготок надевает, потому что ноги у меня такие тонкие! Она боится – люди скажут, что меня дома голодом морят, – пожаловалась я.

Ба расхохоталась, да так, что стало ясно – палач, сидевший в ее животе, взялся за новую жертву. Отсмеявшись, она снова принялась меня изучать. Мне очень хотелось произвести на нее хорошее впечатление. Я вспомнила, как мама учила нас держать спину правильно, – задрапа плечи к ушам, отвела их сильно назад и опустила – теперь моя осанка была идеальной.

Видимо, Ба оценила мои старания. Она еще с минуту глядела на меня, потом хмыкнула:

– Грудь моряка, жопа индюка!

Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза.

Тем временем Ба достала из шкафчика большой розовый фартук и протянула его мне.

– Это мой фартук, надень его, ничего страшного, что он тебе велик. Заляпаешь свое красивое платье – мама потом по головке не погладит, верно?

Я виновато кивнула и напялила фартук. Манюня помогла мне завязать его сзади. Я прошла по кухне – фартук болтался на мне, словно флаг на мачте корабля при сильном ветре.

– Сойдет, – благосклонно кивнула Ба.

Потом она усадила нас за стол, и я впервые в жизни попробовала ее выпечку.

Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья. Оно было хрупкое и тоненькое, почти прозрачное. Берешь аккуратно двумя пальцами невесомый песочный лепесток и испуганно задерживаешь дыхание – иначе ненароком выдохнешь, и он разлетится в пыль. Нужно было отломить кусочек и подержать его во рту – печенье моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло. И только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямиком в душу.

Ба сидела напротив, листала альбом и спрашивала меня: а кто это, а это кто?

Потом, узнав, что мамина родня живет в Кировабаде, всплеснула руками: «Так она моя землячка, я ведь родом из Баку!»

Потребовала наш домашний телефон, позвонить маме.

– Как ее по отчеству? – спросила.

Я от волнения забыла значение слова «отчество». Глаза заметались по лицу, я густо покраснела.

– Не знаю, – пискнула.

– Ты не знаешь, как твоего деда зовут? – глянула поверх очков на меня Ба.

– Аааааааа! – Я моментально вспомнила, что означает злополучное слово. – Андреевна она, Надежда Андреевна.

– Чудо в перьях! – хмыкнула Ба и стала важно крутить диск телефона.

Сначала они с мамой общались на русском. Потом Ба, покосившись на нас, перешла на французский. Мы с Маней вытянули шеи и выпучили глаза, но ни одного слова не поняли. По ходу разговора у Ба постепенно расцветало лицо, сначала она улыбалась, потом разразилась своим катастрофическим смехом – мама, наверное, на том конце провода выронила от неожиданности трубку.

– Ну, до свиданья, Надя, – закончила Ба разговор, – в гости придем, конечно, и вы приходите к нам, я испеку свой фирменный яблочный пирог.

Она положила трубку и посмотрела на меня долгим, чуть рассеянным взглядом.

– А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ, – сказала.

Мне до сих пор удивительно, как я в тот момент умудрилась не лопнуть от распиравшей меня гордости!!!

Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое. Потом мы пили кофе с молоком и чувствовали себя взрослыми, потом Ба пригладила рукой выбившуюся у меня прядь волос. «Горе луковое», – сказала, и ладонь у нее была большая и теплая, а Маня поцеловала меня в щечку, и губы у нее были липкие, а кончик носа совсем холодный.

Глава 2

Манюня, или Тумбаны бабы Розы

– У меня, кажется, завелись вошки, – задумчиво протянула Манюня. Мы сидели у нее в комнате, и я, перегнувшись через подлокотник кресла, доставала с полки шашки.

– Откуда ты это взяла? – На всякий случай я отодвинулась от Мани на безопасное расстояние.

– Я чувствую ШЕВЕЛЕНИЕ у себя в волосах, – Манюня многозначительно подняла вверх указательный палец, – какое-то ТАИНСТВЕННОЕ ШЕВЕЛЕНИЕ, понимаешь?

У меня тоже сразу таинственно зашевелилось в волосах. Я потянулась к голове и тут же отдернула руку.

– Что же нам делать? – Манюня была обескуражена. – Если кто узнает об этом, то мы опозоримся на весь город!

– А давай наберем полную ванну воды, нырнем туда с головой и будем сидеть на дне тихо, пока вошки не задохнутся! – предложила я.

– Сколько понадобится времени, чтобы они задохнулись? – спросила Маня.

– Ну, не знаю, где-то час, наверное.

У Маньки заблестели глаза, видно было, что идея ей пришлась по душе.

– Давай, – согласилась она, – только, чур, ни слова Ба, а то она запретит нам залезать в ванну.

– Клянусь всем, что у меня есть, – я не знала в годы моей глубокой молодости клятвы страшнее!

– Да? – засомневалась Маня. – А что с тобой будет, если ты не сдержишь своего слова? Тебя за это посадят в тюрьму и отберут все, что у тебя есть?

Я растерялась. Интересно, какая участь ожидает людей, нарушивших клятву? Воображение рисовало усеянные червями склизкие стены тюрьмы и мучительную, но заслуженную смерть в пытках. Мы какое-то время озадаченно помолчали. Манька убрала шашки обратно на полку.

– Не будем клясться, – решительно сказала она, – давай так: кто проболтается бабушке, тот говнюк!

– Давай, – с облегчением согласилась я. Перспектива быть говнюком пугала куда меньше, чем мучительная смерть в тюрьме.

Мы тихонечко выползли из комнаты подруги. Маня жила в доме весьма своеобразной планировки – чтобы попасть в ванную, нужно было спуститься на первый этаж и через большой холл, мимо кухни и гостиной, пройти по длинному коридору со скрипучим деревянным полом к совмещенному санузелу.

Манина бабушка Роза стряпала на кухне. Мы бесшумно, по стеночке, крались мимо. Пахло мясом, овощами и жареными грецкими орехами.

– Во шуршит! – прошептала мне Маня.

– Чего шуршит? – не поняла я.

– Ну, папа ей сегодня сказал: мам, ты там пошурши на кухне, вечером к нам Павел зайдет. Вишь, как шуршит, – над Маниным лбом кривеньким ирокезом развевалась непокорная челка, – она обещала еще пахлаву к вечеру нашуршать, чувствуешь, как орехами пахнет?

Я принялась. Пахло так вкусно, что рот у меня мигом наполнился слюной. В животе громко заурчало, но я усилием воли придушила предательский звук в зародыше.

Мы тихонечко пробрались по коридору к ванной комнате и тщательно заперли дверь на засов. «Как Ниф-Ниф и Нуф-Нуф», – захихикала Манька. Первое, что в ванной бросалось в глаза, – это внушительного размера, на широкой резинке, панталоны, именуемые в народе тумбанами. Они висели напротив газовой колонки и на вид были совершенно устрашающие.

– Бабушкины? – спросила я.

– Ну не мои же, – фыркнула Манюня.

Для того чтобы наполнить ванну теплой водой, нужно было включить газовую колонку. Правда, здесь была одна загвоздка – прикоснуться к спичкам нам строго-настрого запрещалось. Мы понимали всю преступность нашего замысла, поэтому старались действовать как можно быстрее и бесшумнее.

– Давай я чиркну спичкой и поднесу ее к газовому рожку, а ты открутишь вентиль, – предложила я.

– Давай, – согласилась Манька и тут же открутила вентиль.

– Я же сказала: подожди, пока я поднесу зажженную спичку, – упрекнула я ее.

– Ты чиркай быстрее, вместо того чтобы ушами хлопать, – рассердилась Манюня и вырвала из моих рук спичечный коробок. – Дай я сама, а то ничего не умеешь сделать по-человечески.

Она переломала штук пять спичек, пока наконец ей не удалось зажечь очередную и поднести ее к колонке. В тот же миг раздался небольшой, но достаточно сильный взрыв, из колонки вырвался длинный сноп огня, обшарил стену напротив, погулял какое-то время по потолку и, не найдя ничего более достойного внимания, вцепился в тумбаны бабы Розы. Видимо, панталоны успели хорошо просохнуть или были из стопроцентной синтетики, потому что задымались вмиг.

– Аааааа, – заорали мы и стали колотиться в дверь ванной.

– Баааа, – кричала Манюня, – это не мы, оно само взорвалось!

– Бабаааа Розааааа, – орала я, – ваши тумбаныыыыы горяяяяяят!!!

Ба уже стояла по ту сторону двери.

– Ты откроешь мне дверь, Мария, или позвонить папе? – выкрикнула она с плохо скрываемым беспокойством в голосе.

Волшебное словосочетание «позвонить папе» возымело на нас моментальное отрезвляющее действие, мы сразу вспомнили, как отпирается дверь. Ба ворвалась в ванную ураганом. Было достаточно дымно, но она моментально сориентировалась – закрутила вентиль, смахнула полуистлевшие тумбаны в раковину и пустила воду.

Мы попытались скрыться под шумок.

– Кудаааааааа?! – крикнула Ба и схватила нас за шиворот. – Набедокурили и давай улепетьвать? Кому было сказано не прикасаться к спичкам? Кому? – Она переводила взгляд с меня на Маню и обратно. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Мы с Манькой взвизгнули и попробовали вырваться, но куда там! Ба держала нас так, словно наши шивороты прибили гвоздями к ее рукам.

– Ба, – стала канючить Манюня, – мы хотели вывести вошек!

– Вошек?! – Баба Роза собрала наши шивороты в одну руку и пошарила другой за спиной. – Я сейчас покажу вам, как надо вошек выводить! – Она огрела нас чем-то вонючим и мокрым. – Вы сейчас у меня попляшете со своими вошками!

Я сообразила, что это останки бабы-Розиных тумбанов. Они отяжелели от воды и достаточно больно били по нашим спинам, поэтому мы сутулились и повизгивали. Ба вытолкала нас в коридор.

– Стойте здесь и не двигайтесь, двинетесь – будет хуже, – прошипела она и принялась наводить порядок в ванной. – Только что все вымыла, – причитала она, – и вот, на тебе, отвернулась на миг, а они уже устроили разгром! Вы люди или кто, – выкрикнула она, повернувшись к нам, – я таки спрашиваю вас – вы люди или кто???

Седые волосы Ба выбились из пучка и торчали в разные стороны, надо лбом развеялся непокорный, как у Маньки, ирокез. Она глядела на нас потемневшими глазами и гневно ходила лицом.

– Таки я вас еще раз спрашиваю, вы люди или кто?! – не дождавшись ответа, выкрикнула она еще раз.

Мы жалобно взвизгнули.

– Баааа, ну чего ты спрашиваешь, ты что, не видишь, что мы девочки? – проскулила Манюня.

– Де-воч-ки, – передразнила баба Роза, – а ну-ка, марш сюда, надо умыться!

Она поволокла нас к раковине, пустила ледяную воду и плеснула ею нам в лицо.

– Аааааа, – взмолилась Манюня, – ты хоть теплую воду включииии!

– Я вам дам теплую воду! – Баба Роза усердно намылила по очереди наши лица вонючим хозяйственным мылом. – Я вам дам со спичками играть! – Она смыла пену тонной ледяной воды, от которой душа тоненько тренькнула и ушла в пятки. – Я вам дам не слушаться взрослых! – Она остервенело протерла наши лица вусмерть накрахмаленным вафельным полотенцем. Я глянула в зеркало – оттуда на нас смотрели две взъерошенные краснощекие девчонки с мученическим выражением на лицах.

Ба переполняло справедливое негодование.

– Откуда?! Откуда вы взяли, что у вас вошки? – принялась она выпытывать у нас.

– У нас таинственное шевеление в волосах, – хором выдали мы наш страшный секрет, – мы решили набрать полную ванну теплой воды и нырнуть в нее с головой на час, чтобы вошки задохнулись!

Ба изменилась в лице.

– Какой кошмар, – запричитала она, – то есть вошки бы утопли, а вы – нет?!!!

Мы с Манюней ошеломленно переглянулись. Что и мы под водой можем задохнуться, нам в голову не пришло.

Баба Роза поволокла нас на кухню.

– Сейчас вы у меня покушаете тушеных овощей, – безапелляционно заявила она, – и не надо кривить рот. Или вы все съедите, или не встанете из-за этого стола! Понятно? А потом, когда просохнут волосы, я посмотрю, что это за таинственное шевеление в ваших пустых головах!

Она наложила каждой по большой тарелке тушеных овощей и нависла над нами грозовой тучей.

– А мясо? – пискнула Маня.

– А мясом я нормальных людей кормлю, – отрезала Ба.

Мы вяло жевали ненавистные овощи. Овощи не глотались. Мы морщились и тихонечко выплевывали их обратно в тарелку. Манька демонстративно вздыхала и громко ковырялась вилкой. Ба делала вид, что ничего не слышит.

– Ба, – Маня намотала на палец прядь своих каштановых волос и подняла глаза к потолку, – а если бы мы поклялись, а потом не сдержали своего слова, что бы тогда с нами случилось?

– У вас бы вытекли кишки, – в сердцах бросила через плечо баба Роза. Она стояла к нам спиной и месила тесто, лопатки яростно ходили под ее цветастым платьем, – у вас бы вытекли кишки и всю жизнь мотались между ногами!

Мы притихли.

– Хорошо, что мы просто говнюки, – шепнула я Мане с облегчением.

– Ага, – выдохнула она, – если бы у нас между ногами всю жизнь мотались кишки, было бы хуже!

Глава 3

Манюня, или Все хорошо, прекрасная маркиза

– Будем брить наголо. – Баба Роза глядела, как каменный истукан с острова Пасхи.

С Ба было трудно спорить. Ба была непреклонна, как гранитная скала. Когда оказалось, что мы с Маней благополучно обовшивели, она мигом забрала меня к себе, чтобы я не наградила вошками сестер.

– Не волнуйтесь, – успокоила она моих приунывших родителей, – я выведу это безобразияе вмиг.

– Говорят, что можно керосином? – робко спросила мама. – Нужно нанести его на сухие волосы и продержат какое-то время.

Баба Роза сделала властный жест пальцами, словно собрала мамины губы в щепоть:

– Не волнуйся, Надя, все будет в лучшем виде!

Ночь мы провели в Манькиной комнате, спали рядышком на ее кровати.

– А давай мои вошки этой ночью придут к тебе в гости. – Манька собрала свои выющиеся каштановые волосы в хвост и уложила его сверху на мою голову. – Это будет братание моих вошек с твоими, – радостно добавила она.

Я так и уснула под ворохом ее волос, и снилось мне, что толпа Манькиных вошек перебирается мне на голову большим семейством Ноя с картины Айвазовского «Сошествие Ноя с горы Арарат». При этом у Ноя было лицо Ба, он грозил посохом и приговаривал: «Безобразница, ты не дала нам перебраться на волосы твоих сестер!»

На следующее утро Ба накормила нас завтраком и выгнала во двор.

– Вы погуляйте немного, я сейчас вымою посуду и займусь вашими волосами, – сказала она.

Мы с Маней плелись по двору и попеременно горестно вздыхали – уж очень не хотелось в свои практически десять взрослых лет лишаться длинных волос.

– А папа тебе недавно ободок купил, с золотистой божьей коровкой, – напомнила я Мане. Манька пнула со злости камушек, который лежал в траве, он отскочил и ударился о высокий деревянный забор.

– Ну хоть какое-то количество волос она оставит на наших головах? – с надеждой в голосе спросила Маня.

– Ничего не оставлю, – раздался за нашими спинами голос Ба, – эка невидаль, походите лысыми, зато потом у вас отрастут пышные и кучерявые, как у дяди Мойши, волосы.

Мы с Манькой ужаснулись. Дядю Мойшу мы видели только на старых стертых фотографиях в альбоме Ба, это был невероятно худой остросулый молодой человек с выдающимся носом и беспощадной пышности шевелюрой, вьющейся мелким бесом.

– Не хотим мы, как у дяди Мойши, – хором запричитали мы.

– Ладно, – легко согласилась Ба, – не хотите, как у дяди Мойши, будет шевелюра, как у Дженис Джоплин.

– А кто это такая?

– Наркоманка и дебоширка, – отрезала Ба.

Мы притихли.

Ба повела нас к длинной деревянной скамье под старым тутовым деревом. Она смахнула упавшие с дерева зрелые ягоды и сделала мне приглашающий жест рукой – садись. Я покорно села. Ба встала у меня за спиной и начала состригать под корень мои длинные волосы.

Манюня крутилась рядом и ахала с каждой падающей прядью. Она подняла одну и приложила к своей голове.

– Ба, а если бы у меня были такие светлые волосы, что бы ты тогда сказала? – спросила она.

– Я бы сказала, что ты не моя внучка, – протянула Ба в задумчивости, а потом спохватилась: – Мария, что за глупости ты несешь, какая разница, какого цвета у тебя волосы? И убери эту прядь с головы, тебе своих вошек мало?

Манька приложила волосы к плечам.

– А если бы я была вот такая волосатая? Смотри, Ба, какая, и с моих плеч свисали бы длинные пряди? – Маньке категорически нужно было выговориться, потому что с каждым щелчком ножниц приближался ее черед быть обкорнанной.

– Если ты меня будешь отвлекать, то я отстригу Нарке пол-уха! – пригрозила Ба.

– Не надо, – пискнула я.

– И ты помолчи, – прикрикнула Ба, – обовшивели обе! Уму непостижимо, где вы могли нахвататься вшей?!

Мы с Манькой воровато переглянулись. Ну, положим, нашему уму оно было очень даже постижимо.

На задворках Маниного квартала в старом каменном доме жила многодетная семья старьевщика дяди Славика. Дядя Славик был худощавым, жилистым и крайне неказистым мужичонкой. Весил он от силы сорок кило и внешним своим видом напоминал зеленого головастого кузнечика. Когда дядя Славик смотрел собеседнику прямо в глаза, тому становилось неуютно от его редко мигающих широко расставленных глаз. Собеседник машинально начинал тарашиться в надежде поймать в фокус дяди-Славикины зрачки.

Дядя Славик дважды в неделю объезжал дворы нашего городка. Скрип колес его тележки, нагруженной всяким хламом, загодя оповещал о его появлении, так что, когда старьевщик, сопровождаемый своими тремя чумазыми детишками, въезжал во двор, хозяйки уже поджидали его внизу. Дядя Славик точил ножи и ножницы, скупал всякое старье, а если ему удавалось что-нибудь еще и продать, то счастьем его не было предела. Остальной хлам у него оптом скупал цыганский табор, который периодически раскидывал свои шатры на окраине нашего городка.

Мы с Маней, несмотря на строгий запрет родителей, часто убегали к дому старьевщика и возились с его детьми. Мы воображали себя учительницами и муштровали несчастных малышей как могли. Жена дяди Славика не вмешивалась в наши игры, наоборот, одобряла.

– Все равно на детей нет управы, – говорила она, – так хотя бы вы их угомоните.

Так как признаваться Ба в том, что мы нахватились вошек у детей старьевщика, было смерти подобно, мы молчали в тряпочку.

Когда Ба закончила со мной, Манька тоненько взвизгнула:

– Аааааа, неужели и я буду такой страшной?

– Ну почему страшной? – Ба сгребла Маньку и властно пригвоздила к деревянной скамье. – Можно подумать, вся твоя красота в волосах, – и она выстригла крупный локон с Манькиной макушки.

Я побежала в дом, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Зрелище, которое открылось глазам, ввергло меня в ужас – я была коротко и неровно подстрижена, а по бокам головы двумя задорными листьями лопуха восстали мои уши! Я горько разрыдалась – никогда, никогда в жизни у меня не было таких ушей!

– Наринээээ?! – долетел до меня голос Ба. – Хорош любоваться своей тифозной физиономией, беги сюда, полюбуйся лучше на Маню!

Я поплелась во двор. Из-за могучей спины бабы Розы показалось заплаканное личико Манюни. Я громко сглотнула – Манька выглядела бесподобно, даже хлеще, чем я: у меня хотя бы оба кончика уха торчали равноудаленно от черепа, у Маньки они были вразной – одно ухо аккуратно было прижато к голове, а второе воинственно топорщилось вбок!

– Ну вот, – удовлетворенно окинула нас взглядом Ба, – чисто крокодил Гена и Чебурашка!

Потом под наш дружный рев она ловко взбила в миске мыльную пену и нанесла ее нам на головы. Через десять минут под летним жарким солнцем сияло два сиротливых бильярдных шара. Ба повела нас в ванную и смыла остатки пены.

– Во, – протянула Манька, когда мы посмотрели на себя в зеркало, – хорошо, что сейчас каникулы. А представь нас в таком виде на сцене, в составе хора?

Мы покатались со смеху. Это было бы то еще зрелище!!!

– А... а... а... – не унималась Манька, – представь, что мы в таком виде исполняем на сцене какую-нибудь сонату ми минор для скрипки и фортепиано???

Мы сползли от хохота по стеночке на пол.

– Ой... ай... – только и могли выговорить мы, потому что от каждого взгляда на наши гладковыбритые головы нас разбирал новый приступ смеха. По щекам ручьями текли слезы, и мы только и делали, что стонали и хватались за животики.

– Весело вам, да? – раздался над нами голос Ба. – Пойдем, сейчас будет еще веселее!

Мы протерли глаза и снизу вверх посмотрели на нее. Ба возвышалась над нами монументом «Родина-Мать». Только в руках, вместо меча, она держала какую-то миску.

– А это что? – поинтересовались мы.

– Это маска, – важно объяснила Ба, – специальная маска, чтобы волос пошел густой и кучерявый.

– А из чего состоит эта маска? – Мы, заинтригованные, поднялись с пола и попытались сунуться носом в миску, но тщетно – Ба подняла ее выше, и мы не смогли дотянуться.

– Много будете знать, быстро состаритесь! – сказала, как отрезала.

Мы молча потопали за ней во двор.

– Сейчас я нанесу смесь вам на головы, а вы потом должны где-то час просидеть под солнцем, чтобы она хорошо впиталась, понятно?

– Понятно, – хором отозвались мы. В принципе, нам уже было безразлично, что еще может сотворить с нами Ба.

Забегая вперед, я таки скажу, что не зарекайся, пока не наступил климакс, как любила приговаривать Ба. Услышав в первый раз это выражение, мы дружно решили, что климакс – это плохая погода, и каждый раз, когда Ба так говорила, выглядывали в окна в надежде увидеть природный катаклизм.

Ба усадила нас на скамеечку и принялась споро наносить помазком маску на наши лысые головы.

– Не вертись! – прикрикнула она на Маньку, когда та попыталась посмотреть на меня. – Сиди смирно, а то заляпаешь платье!

В томительном ожидании прошло минут пять.

– Ну вот, – удовлетворенно выговорила наконец Ба, – теперь можете расслабиться.

Мы глянули друг на друга и взвизгнули от неожиданности – головы наши были покрыты какой-то темно-синей густой жижей. Я попыталась дотронуться до нее, но Ба шлепнула меня по руке:

– Нельзя трогать, кому было говорено?! Ровно час! – грозно пророкотала она и ушла в дом.

Это был тот редкий случай, когда мы побоялись послушаться Ба. И, хотя головы наши отчаянно чесались, мы обе сидели не шелохнувшись. Минут через двадцать маска обсохла, пошла трещинами и стала осыпаться. Мы воровато подняли отвалившиеся ошметки и протерли в пальцах – густые, неоднородные, с какими-то волокнистыми вкраплениями, они моментально окрасили руки в синий цвет.

Нашу исследовательскую деятельность прервал звук открывающейся калитки. Мы юркнули за тутовое дерево.

– Мам? – раздался голос дяди Миши, Маниного папы. Мы с облегчением вздохнули и выползли из-за толстого ствола.

Дядя Миша увидел нас и замедлил шаг. По причине близорукости он сначала прищурился, потом, не поверив своим глазам, оттянул пальцем уголок века сначала одного, потом обоих глаз. Мы подошли поближе. Зрелище, открывшееся Дядимишину взору, судя по всему, было настолько неожиданным, что он какое-то время в остолбенении изучал нас. Мы, видя выражение его лица, снова тоненько заскулили.

– Здрасьти, дядьмиш, – сквозь слезы прошептала я.

– Мать вашу за ногу, – к дяде Мише наконец вернулся дар речи, – дети, кто это так с вами?

– Это Ба! – Манюня уже ревела в три ручья и от обиды заплывала целиком слюги. – Она ска... что мы... буууудем... черявые... черявые... как... как... как... как...

– Как Жоопли, – внесла свою лепту во вселенский плач я.

– Как ктооооо? – У дяди Миши глаза полезли на лоб. – Какой такой Жопли?!

– Наркоманкааа и дебоширкааааа Жооплиии, – нас с Маней уже невозможно было остановить. Мы разом ощутили весь ужас нашего положения – лысые! на все лето! не погулять! в булочную за слоеными трубочками не сбежать! в речке не искупаться! и самое ужасное – сверстники засмеют!

Дядя Миша попятился к дому.

– Мааааааааам?! – позвал он. – Что ты с ними сотворила? Был уговор обработать волосы керосином и продержат девочек вдали от огня какое-то время!

Ба вышла на веранду.

– Стану я вас слушаться! – проворчала она. – Потом еще спасибо мне скажете, когда у них отрастут пышные кудрявые волосы!

– Зачем кудрявые! У Маньки они и так были кудрявые! – Дядя Миша наклонился и принялся к нашим головам. – А чем это ты их намазюкала?

– Это маска! Рецепт Фаи, которая Жмайлик! Надо в равных пропорциях смешать порошок синьки, бараньи катышки и развести это дело в яичных желтках, – стала перечислять Ба.

– Бараньи чего? – подскочили мы с Манькой.

– Катышки, катышки, – покотился со смеху дядя Миша, – сиречь какашки!

Мы с Манькой потеряли дар речи.

– Ба! Как ты могла?! – наконец взревели мы и кинулись в ванную, смывать маску с наших голов. Какашки легко и быстро смылись, но головы наши теперь отсвечивали нежным голубоватым колером.

Когда мы выползли на веранду, дядя Миша присвистнул.

– Мам, ну кто тебя просил? Ладно Маня, а что мы Наркиным родителям скажем?

– А ничего не надо говорить, – отрезала Ба, – они умные люди и, в отличие от тебя, оценят мои старания. Сходи лучше позвони Наде и скажи, что Нарку уже можно забирать.

– Ну уж нет! – Дядя Миша привлек нас к себе и поцеловал по очереди в сиво-голубые макушки. – Сама эту кашу заварила, сама ее и расхлебывай!

– Можно подумать! – фыркнула Ба и пошла в дом. – Позвонить ему трудно!

Мы, затаив дыхание, стали напряженно прислушиваться к разговору Ба.

– Алё? Алё-о? Надя? Здравствуй, дорогая, как у вас дела? У нас тоже все в порядке. Можете Нарку забирать... Почему сама не может прийти? Почему не может, очень даже может. Только панамы нужны... Па-на-ма... Как зачем? Чтобы голову не припекло... А что волосы? Волосы – дело наживное, вчера были волосы, а сегодня уже нет, хе-хе!.. Ну что ты сразу охаешь, побрила наголо, ага... Керосин? Буду я керосин на них изводить! Все сделала в лучшем виде, маску нанесла, по рецепту Фаи, которая Жмайлик... Я ей, главное, говорю: не надо нам никаких масок, Фая, а она – сделай да сделай, заставила прям, над душой стояла... Ну и что, что она в Новороссийске, а я здесь?.. По телефону и заставила!.. Да не волнуйся ты, маска как маска, желток да синька, ну и по мелочи... По мелочи, говорю... Ну, бараньи катышки, делов-то... Что ты охаешь, можно подумать, я крысиного яду положила... Нет, все смыли, все в порядке, только голова синюшная... Си-нюш-на-я, говорю, как у утопленника... Зачем ты сразу пугаешься, живая она, живая, это от синьки она синюшная, день-другой, и все сойдет... А волосы быстро отрастут, это ж не зубы!.. Ага... Ага... Ну, до свидания, дорогая, ждем!

– Мам! – крикнул дядя Миша, когда Ба положила трубку. – Ты уверена, что не слышала на том конце провода звука падающего тела?

– Зиселе! – Голос Ба не предвещал ничего хорошего. – Ты таки напрашиваешься на свою порцию маски от тети Фаи!!!

Дядя Миша крикнул:

– Мам, ты бы лучше дала чего поесть, а то мне через полчаса возвращаться на работу. – Он весело подмигнул нам. – Ну что, жертвы компоста, пойдем поедим, надеюсь, обед уж точно обойдется без бараньих катышков?

Глава 4

Манюня, или Баба Роза демонстрирует чудеса гуманизма

На обед были жареная курица с рисом, зеленый салат и кисленький, освежающий компот из алычи.

Мы с Манюней прямо-таки пожирали птицу, тщетно пытаясь сохранить скорбное выражение на лицах. В идеале, конечно, нужно было демонстративно очуриться на глазах у Ба, чтобы она потом долго оплакивала нас, теребя в руках наши вшивые волосы. Но не существовало на планете Земля силы, которая могла заставить нас оторваться от хорошо прожаренной, хрустящей, ароматной курочки в исполнении Ба.

Дядя Миша посмеивался, искоса наблюдая за нами.

– Мам, ну посмотри на них, вылитые два мутанта-головастика! – не выдержал он.

Мы наострили ушки. Ба раздраженно отодвинула от себя тарелку.

– Поели все? А теперь марш из-за стола, к шести должны приехать ЛЮДИ, Нарку забирать, я хочу успеть испечь яблочный пирог.

– Ты хочешь шарлоткой искупить вину за нанесенный Нарке ущерб? – засмеялся дядя Миша. – Да за одни только бараньи катышки тебе придется расплачиваться бутылкой сливовой наливки!

Мы с Манькой тревожно переглянулись – дядя Миша явно искал приключений себе на голову. Ба смерила его тяжелым испепеляющим взглядом исподлобья.

– Молчу-молчу, – заторопился дядя Миша, – все, Фелен-Пелен, – повернулся он к нам, – я на работу, а вы ведите себя тише воды ниже травы, а то видите, к каким разрушительным последствиям приводят ваши эксперименты в вошководческой отрасли!

– Ты так уйдешь или тебя вперед ногами вынести? – ласково поинтересовалась Ба.

– Да я уже практически ушел. – Дядя Миша чмокнул ее и выскользнул из кухни.

Ба накрыла ладонью щеку, в которую ее поцеловал дядя Миша, и простояла так с минуту, рассеянно улыбаясь одними губами. Мы с Маней каким-то звериным чутьем догадались, что ее сейчас нельзя отвлекать, поэтому сидели за столом не шевелясь и во все глаза наблюдали за ней.

Ба очнулась, посмотрела на нас изучающим взглядом, рассмеялась:

– А ведь правда выглядите как два мутанта-головастика.

Мы сочли ее смех за контрибуцию и вылезли из-за стола.

– Ба, а что такое мутант? – спросила Манька.

– Вырастешь – узнаешь, – ответила Ба, – но если станешь сейчас канючить, что да как, то не получишь сладкого, – она протянула нам ПО ДВЕ шоколадные конфеты.

Мы не поверили глазам своим – шоколадные конфеты от Ба были прямым свидетельством тому, что вселенная наконец-таки повернулась к нам лицом, а не тем местом, которым она стояла с самого утра. Ведь Ба категорически была настроена против шоколада, она считала его источником всех человеческих бед, начиная от энуреза и заканчивая синдромом Дауна. Поэтому, когда она добровольно протянула нам по две (!) шоколадных конфеты, мы, мешкая, сорвали их с ее ладоней и выбежали прочь из кухни.

– А поблагодарить? – Голос Ба настиг нас на пороге и больно толкнул в спину.

– Спасиииибо, Ба, – хором закричали мы.

На веранде Манька развернула обе конфеты и разом запихнула в рот.

– Это она из-за чувства вины перед нами, – прочавкала она, – ешь свой шоколад быстрее, пока Ба не передумала.

Теперь представьте себе эту дивную картину: под высоким раскидистым деревом тута на деревянной скамеечке сидят две обритые наголо неравномерно лопухие девочки и отсвечивают голубоватыми черепами. За каждой щекой у них по кусочку сладкого счастья, они в блаженстве закатывают глаза, причмокивают и местами преступно исходят слюной... Жалкое, душераздирающее зрелище!!!

Когда конфеты были съедены, мы пошли прогуляться на задний двор. Походили бесцельно под фруктовыми деревьями, постояли над аккуратненькими грядочками кинзы, выдрали по листику, пожевали в задумчивости.

Вдруг заметили какое-то шевеление под грушевым деревом. Пригляделись с замиранием сердца. В траве лежал маленький птенчик – жалкий, голеный, криворотый.

– Ой! – ужаснулись мы. – Он, наверное, из гнезда выпал.

Посмотрели вверх, но за густыми листьями ничего не разглядели. Манька осторожно подняла птенца. Он беспомощно пищал и барахтался в ее ладонях.

Мы побежали в дом показывать нашу находку. Ба возилась с тестом для пирога на кухне, пахло корицей и жареным миндалем.

– Ба! – крикнули мы. Она обернулась на наши голоса и вздрогнула от неожиданности.

– Вы меня напугали!

– Ага! – торжествуя выкрикнула Маня. – Теперь ты признаешь, что мы из-за тебя стали страшные как смерть, правда глаза колет, да?

– Я тебе покажу сейчас, как может правда глаза колоть, – взъерепенилась Ба, – что это у тебя в руках?

– Посмотри, что мы нашли, – Манюня сунула ей под нос птенца.

Ба недоверчиво оглядела нашу находку.

– Зря вы его взяли, он уже практически дохлый, – проворчала она.

– Ну Ба! – возмутилась Манюня. – Ничего он не дохлый, смотри, – она ткнула пальцем в птенца, тот поморщился всем тельцем и задергал лапками. – Видишь? – победно сказала Манька. – Мы его спасли, а теперь будем кормить-поить-выхаживать! Ба, что мы можем ему дать?

Ба ни минуты не раздумывала.

– Можете откопать дождевых червей, хорошенько их разжевать и скормить этой дохлятине, – язвительно проговорила она.

– Фуууууу, Ба! – смешно наморщила носик Манька. – Представить даже противно. Вот если бы ты нам помогла...

– Ты мне предлагаешь самой разжевать червей? – Ба ненадолго оторвалась от теста.

– А ты можешь? – Манька нетерпеливо запрыгала на одной ноге. Несчастный птенец трясся в ее руке безвольным комочком.

– Мария, – Ба глянула на Маньку поверх очков, – ты соображаешь, что говоришь?

Манька вылупила глаза. Потом надула щеки.

– А если напоить его молоком? – пискнула я.

Ба вздернула от удивления брови.

– Где это слыхано, чтобы птица кормила молоком? Ты хоть у одной птицы видела грудь?

– Видела! – Я решила пойти ва-банк. – У птицы гарпии, например, большая женская грудь. Я сама видела. В книге про античных богов.

Ба вспотела лицом.

– Так сходи к своей знакомой птице гарпии и попроси ее покормить этого дохлика большой женской грудью, понятно? – рявкнула она.

Мы молча переглянулись. Манька еще раз ткнула птенца. Он слабо зашевелился. Она положила его на краешек стола и погладила по голенькой спинке.

– Горе мое луковое, – прошептала умиленно. – Ба, мы можем его хлебными крошками накормить! – вдруг осенило Маньку. – И напоить водой из пипетки можем! Ты только дай нам крошек, Ба! И покажи, где пипетка, которой ты мне в ухо закапывала эту ужасную черную жидкость, помнишь? А еще мы, например, можем его искупать. Набрать в мисочку теплой воды, побултыхать его там и уложить спать, накрыв платочком.

Ба простонала. Но Манюня ничего не слышала, Манюню несло.

– А если у него вдруг случится заворот кишок, мы пипеткой поставим ему клизму, – у Маньки раскраснелись от волнения щеки, – ты ведь нам поможешь, Ба? Хотя не надо помогать, мы сами разберемся.

По окаменевшей спине Ба можно было догадаться, что сейчас случится непоправимое, но Манька этого не замечала, она была увлечена своими мыслями.

– Вот если бы ты еще умела мух ловить, – мечтательно протянула она, – или хотя бы мошек, а, Ба?

Ба со словами: «Да что же это такое!» – стремительно повернулась и с легким хрустом свернула птенцу шею.

– Вот теперь можете его хоронить со всеми почестями, – выдохнула она, не обращая внимания на наши вытянувшиеся лица. – Я даже готова вам на эту церемонию уступить железную баночку из-под индийского чая! Потому что лучше я его прямо сейчас убью, чем вы потом замучаете до смерти своими экспериментами!

Мы, потрясенные, в гробовом молчании забрали трупик птенца и пошли хоронить его на задний двор. Выкопали маленькую ямку под грушей, положили туда тельце и присыпали землей. Постояли какое-то время понуро над могилкой.

– Надо будет откопать его завтра и посмотреть, улетела у него душа или еще ТЕПЛИТСЯ В ГРУДИ, – задумчиво протянула Манька.

– Ты чего? – возмутилась я. – Какое там теплится, он ведь умер!

– Ну ты же слышала, как Ба рассказывала про гойские выкрутасы Иисуса с воскрешением? – Манька сорвала с ветки листик и намотала его на палец. – Может, это птичий Христос?

Мы в задумчивости уставились на могилку. Потом, как по команде, подобрали два деревянных прутика, сложили крест-накрест, обмотали травами, чтобы крестик не распался, и воткнули в одинокий холмик.

Автор приносит извинения своим замечательным читателям за богохульство. Автор сама является христианкой, правда, достаточно раздолбайского разлива, ну да ладно.

В оправдание Ба автор текста может сказать, что с богом у нее были весьма непростые, продиктованные тяжелым детством и юностью, отношения. Ба принадлежала к одной из основных авраамистических религий и считала себя вправе с одинаковым остервенением костерить святых всех религий подряд.

Все претензии просьба предъявлять исключительно автору, ибо Ба автор в обиду не даст.

Когда вечером приехали мои родители, на кухонном столе исходил умопомрачительным ароматом яблочный пирог. Ба полила его, еще горячий, растопленным медом, посыпала корицей и миндальной крошкой. Обжарила в большой чугунной сковороде кофейные зерна до масляного блеска, принесла из погреба свою знаменитую сливовую наливку в запотевшей бутылке темного стекла. Мы с Манькой добросовестно смолоти кофе в ручной кофемолке.

Ба вышла встречать маму с папой на веранду.

– Сидите на кухне, – шикнула она, грозно выпучив на нас глаза. – Ой, Наденька, Юрочка (чмок-чмок), как доехали? Ну и что, что пять минут езды, мало ли что может с вами случиться, колесо можно проколоть, бензобак может протечь, мазут может пролиться или какая еще беда приключиться. Вон у соседа нашего, Гора, сын чуть в машине не сгорел, говорили – замыкание (сочувственные ахи и охи). Я пирог яблочный испекла (громкое восторженное бормотание родителей), ага, ага, скоро и Миша придет. Девочки сегодня себя чудесно вели, хоронили птенчика (тревожное бормотание). Да ничего страшного, они его подобрали, хотели клизму пипеткой сделать, пришлось несчастному свернуть шею, чтобы они его не замучили до смерти (растерянное покашливание). Вы только не пугайтесь, синюшность голов еще не прошла (тревожное покашливание), но это дело одного-двух дней, потом все придет в норму (растерянное мычание). Ну, что мы стоим на пороге, давайте пройдем на кухню!

Я не буду сейчас вам рассказывать в подробностях, какой мощи пароксизм истерического хохота согнул моих родителей при виде наших голубых черепов. Как потом папа вертел наши головы в руках и, любовно пересчитывая все характерные шишечки, сыпал страшными словами брахицефалия, долихокрания и краниология, и этим вогнал нас в окончательный и бесповоротный ступор.

Как мама рыдала на плече у Ба, а Ба утешала ее и говорила, что волосы не зубы, ну ты же понимаешь, Надя, а мама с каким-то сладострастным облегчением вытерла сопли подолом платья Ба и сказала: «Тетя Роза, я все понимаю, только детей все равно жалко!!!»

Как папа с дядей Мишей стояли на веранде, с дымящимися чашечками кофе в руках, выкуривали сигарету за сигаретой и вели бесконечный диалог на тему, что пора бросать курить, Миша, конечно, пора, а то сколько можно, Юра!

День удался, в общем, на славу. Я заснула счастливая, в своей кровати, жестоко осмеянная сестрами, но с греющей душу мыслью, что где-то там, в пяти минутах езды от нас, в двухэтажном каменном доме спит Манюня и отсвечивает в темноту такой же, как у меня, гладко-выбритый, голубоватого колера, головой.

Глава 5

Манюня, или Как мы сначала искали панамы, а потом Ба спасала сына

Выходить за порог с непокрытой безволосой головой мы наотрез отказывались, поэтому мама бросилась на поиски панамок. Что ни говори, детство наше протекало в дивные времена, поэтому в единственном универмаге нашего городка в отделе головных уборов можно было жарким июньским днем приобрести только мохеровые свалывшиеся шапки необъятных размеров да фетровую мужскую шляпу в количестве одна штука.

– Может, мы вам просто косыночки повяжем? – предложила мама. – Узелком под подбородком, будете Аленушками.

Косыночки повязывать мы наотрез отказались.

– Не по пять лет нам, – пробурчали.

Ба кинула клич по соседям, уезжающим в Ереван, с просьбой привезти нам панамки. Соседи звонили и рапортовали:

– Роза, в «Детском мире» выкинули чепчики для грудничков, есть вроде большие размеры, я пыталась натянуть на колено, они нормально натягиваются, ну ты же знаешь мои колени, Роза!

– Роза, в ГУМе потрясающей красоты пляжные шляпы с большими полями, сиреневые в белую ромашку, но по семь рублей и на взрослую женщину!

– Роза, в ЦУМе видели соломенные шляпы, что-то типа сомбреро, но они декоративные и за бешеные деньги!

– Роза, в магазине «Пчеловод» продаются каски с лицевой металлической сеткой, я пригляделся – можно плоскогубцами понакусывать и снять это забрало. Получится панамка, правда, на периметр головы 58 сантиметров. Какой у девочек размер черепушек?

– Если бы у девочек были головы периметром в 58 сантиметров, мы бы их как гнет в кадке с квашеной капустой использовали, – ругалась Ба в трубку. – Хоть к телефону не подходи! – жаловалась она на следующий день маме. – Сбрендили они, что ли? Или жара на них так подействовала? Я им про Фому, а они мне про Ерему!!!

– Ничего-ничего! Сами справимся, да, девочки? – обернулась к нам мама.

– Угум, – прозвучало ей в ответ.

Мы с Маней любовались своим отражением в стеклянной дверце кухонного навесного шкафчика. И если я могла делать это спокойно, не поднимаясь на цыпочки, то маленькая и

пухленькая Маня до своего отражения не «дотягивалась». Она забавно подпрыгивала и, поймав свою мордашку в стеклянной дверце, моментально строила рожицу.

– Налей-ка мне еще чайку, Надя, а то от одного взгляда на них у меня в горле пересыхает, – пробурчала Ба.

Если Ба пила чай, то только крутым кипятком и вприкуску. Мама покупала в магазине специальный сахар, который сильно отличался от хрупко-прозрачного рафинированного, – твердый, неровными большими кусками, он плохо растворялся в чае и оставлял белый густой пенный налет на поверхности. Мы кололи его специальными щипчиками и хранили для Ба.

Когда Ба приходила к нам в гости, она первым делом просила чаю. Мама вынимала сахарницу и торжественно водворяла ее на чайный столик. Ба одобрительно кивала головой, принимала царственной рукой большую чашку исходившего паром напитка и, перекатывая во рту кусочек сахара, запивала его большими глотками, громко клокоча где-то в зобу.

– Я могу попробовать связать панамки крючком, – предложила мама, передавая Ба очередную чашку с чаем, – у меня есть подходящая тонкая пряжа. Потом мы их густо накрахмалим и придадим нужную нам форму.

– Не хотим мы вязаные крючком панамы! – взвыли мы. – Во-первых, ждать долго, пока ты их свяжешь, пройдет целая вечность, а во-вторых, они будут в дырочку, а через эти дырочки все увидят наши лысины!!!

– А у меня нет столько денег, чтобы с Маней по гостям на такси разъезжать! – рассердилась Ба. – Видите ли, стыдно им. Можно подумать, когда выйдете шляться по городу, люди подумают, что под панамами вы прячете не два пустых барабана, а ваши роскошные кудри!

Мы обиженно засопели, но взрослые уже не обращали на нас никакого внимания. После недолгого совещания они решили сшить нам панамки. Вытащили швейную машинку, порылись в бельевом шкафу и нашли две голубые наволочки в желтый горох.

– Самое оно, – обрадовалась мама.

Через два часа кропотливой работы наши швей-мотористки явили миру свой инновационный взгляд на летние головные уборы в виде двух кособоких конструкций с неровными, чересчур широкими полями и бестолково торчащей высокой тульей.

Ба нацепила панамы нам на головы.

– Вполне себе ковбойские шляпы, – проговорила она с еле сдерживаемой улыбкой, – теперь никто не посмеет приставать к вам на улице, потому что у вас очень боевой вид!

Мы помчались любоваться собой. Повертели перед зеркалом, встали и так и этак.

– А что, вполне, – Манька нахлобучила панаму на самый лоб и, подтянув поля, свела их под подбородком. Получилось что-то наподобие чепчика. Она выпучила глаза, выдвинула вперед нижнюю челюсть и прошамкала: – Деточка, дай рублик на жизнь!

Я покатила со смеху. Задрала поля своей панамы вверх, скосила глаза к переносице и растянула пальцами уголки рта.

– Ыыыыыыыы! – Мы повернулись друг к другу и замычали: – Ыыыыыы!

– Полюбуйтесь на этих дегенератов! – Голос Ба разнесся по квартире звуком иерихонской трубы. – Надя, а ты переживаешь, что им не понравятся панамы. Да они уже в своем обычном репертуаре!

* * *

Спустя неделю наметился совместный выезд в горы, с ночевкой в нашем дачном домике. Но дядя Миша внезапно слег с высокой температурой, и Ба осталась ухаживать за ним.

Папа забрал Манюню за день до нашего отъезда. Мы из кухонного окна наблюдали, как они парковались возле нашего подъезда. Пока добежали до входной двери, Манька уже всю трезвонила в звонок. Как только я отперла, она ртутным шариком вкатилась в квартиру и

моментаально наполнила ее своим птичьим щебетом. Следом за ней вошел папа и с трудом втащил в квартиру большой баул.

– Это что такое? – удивилась мама.

– Роза нам припасов на дорогу дала, – протер пот с чела папа.

Мама открыла сумку и стала по одному вытаскивать аккуратные свертки. С каждым новым свертком на ее лице все отчетливее выступало отчаяние.

Ба положила нам в дорогу луковый пирог, пирожки с капустой, дюжину отварных куриных яиц, банку айвового варенья, банку малосольных огурчиков, банку аджики, овощей килограмм пять и столько же фруктов, а также большую эмалированную кастрюлю с замаринованным на шашлык мясом. В кармане сумки мама нашла нож, спички, полпачки мелкой соли, рулон драгоценной туалетной бумаги, таблетки тетрациклина и цитрамона, йод, зеленку, вату и широкий марлевый нестерильный бинт в количестве одна штука.

– Судно забыла положить, – захохотал папа.

– Зачем ты это взял? – Мама уставилась на отца. – Мы что, не смогли бы Маньку прокормить?

– Вот позвони и скажи ей это сама, – рассердился папа, – можно подумать, Роза приняла бы мой отказ!

– А что сразу звонить? – испугалась мама. – Надо было оставить сумку за порогом и быстренько уехать!

– Да Роза проконвоировала нас до машины, а потом еще махала вслед рукой! На каком отрезке пути я мог оставить сумку? Знаешь, что мне Миша шепнул? Заберите, мол, ее с собой, а то она убьет меня своей заботой! – Папа быстренько съел пирожок с капустой и потянулся за вторым. Мама резво шлепнула его по руке. – Ты бы слышала, что мне Роза на прощание сказала! – Папа потянулся за луковым пирогом и получил второй шлепок по руке. – Если не получится до вечера сбить ему температуру, придется ставить клизму! Клизму! И это Мише, который в прошлом году перед операцией не ел два дня, только чтобы ему не промывали кишечник!

Мама прыснула.

– Это да, Миша лучше утопится в колодце, чем даст поставить себе клизму!

* * *

Через три дня мы вернулись с дачи и первым делом завезли Маню к ней домой. Во дворе под раскидистым тутовым деревом на деревянной скамье сидел дядя Миша. В жаркий двадцатипятиградусный летний день он выглядел как солдат отступающей наполеоновской армии – на голове дяди Миши красовалась Манина вязаная зимняя шапка с помпоном, растянутые на коленях треники были заправлены в толстые шерстяные носки, а грудь крест-накрест была повязана цветастым платком Ба.

– Папочка! – Манька бросилась обнимать отца. – А зачем ты мою шапку надел, она же девчачья!

Дядя Миша стянул с Манькиной головы панаму и поцеловал в макушку.

– А ты уже обросла на целый миллиметр, – улыбнулся он.

– Ну что, Рендл Патрик Макмерфи, таки тебе промыли кишечник? – засмеялся папа, протягивая дяде Мише руку.

– Э, Юра, давно я тебя в шахматы не обыгрывал, вот и наглеешь, – неуверенно огрызнулся дядя Миша.

– А что так? – Папа сел рядом и нащупал пульс дяди Миши. – Пульс как у трупа. Где Роза?

– Роза на консилиуме у соседей, – фыркнул дядя Миша, – каждый час бегают к ним советоваться.

– Это у каких соседей, у Шаапунни, у которых дочь педиатр?

– Нет, у Газаровых, у которых сын ветеринар. – Дядя Миша посмотрела на отца долгим выразительным взглядом. – Газаров-младший недавно на ферме села Паравакар проводил мероприятия по профилактике субинволюции матки у коров. Теперь, видимо, очередь до меня дошла!

– Чего? – Папа зашелся в громком хохоте. – Чего... говоришь... он там... проводил?

Мы не поняли ни слова из того, что сказал дядя Миша, но тоже рассмеялись – уж очень забавно он смотрелся в красной Маниной шапке.

– Уже вернулись? – раздался за нашими спинами радостный голос Ба. Мы обернулись. Ба боком заползала в калитку, в руках она бережно несла какой-то большой пакет.

– Мамеле, – отчаяние, выступившее на лице дяди Миши, легко могло растопить лед в сердце железобетонной конструкции, – что тебе еще всучил этот маньяк Газаров? Доильный аппарат «Буренка»?

– Ой-ой-ой, можно подумать! – Ба положила пакет на скамейку и по очереди расцеловалась с нами. – Доильный аппарат, скажешь тоже. Это всего-навсего плед из овечьей шерсти. Надо будет перемешать гусиный жир с луковым соком и втереть тебе в грудь и шею. Потом дать пропотеть под этим пледом. И хворь как рукой снимет.

Дядя Миша угрюмо уставился на пакет. Ба заботливо натянула ему шапку по самые брови и подмигнула нам.

– Доильный аппарат тобі треба, сына? Мигом організуем! Любой каприз за ваши деньги!

Глава 6

Манюня – снайпер, или Мамам-папам девочек посвящается

Пролог

У папы появилось двуствольное ружье ИЖ-27, настоящее, с которым можно ходить на кабана. Автор дуб дубом в охотничьих делах, так что знающим людям не возбраняется pokrutyть пальцем у виска, но, насколько помнится автору, с ИЖ-27 все-таки ходили на кабана. Или на какого-нибудь другого среднерогатого скота. Кажется.

Ружье отцу презентовал благодарный третий секретарь нашего райкома за исключительной красоты искусственную челюсть червонного золота.

Папа честно пытался отговорить этого безумного человека от затеи вырвать себе здоровые зубы и украсить рот переливающимся золотом, но тот стоял на своем.

– Ты понимаешь, доктор, – объяснял он отцу, – я недавно из Москвы вернулся, был на очередном пленуме ЦК, там большая часть делегатов союзных республик щеголяли с золотыми зубами!!! А я чем хуже, у меня что, золота мало???

Видимо, золота у третьего секретаря райкома было действительно немало, потому что папа сделал золотые коронки не только ему, но еще и его жене, теще, матери и дяде. В благодарность за проделанную работу сановный пациент преподнес папе ИЖ-27.

Папа трясся над ружьем как скупой рыцарь над своими сундуками. Вел с ним долгие душеспитательные беседы.

– Когда-нибудь, – говорил он своему новому другу, – у меня родится сын, и мы с ним вдвоем пойдем на кабана!

Но пока сыном и не пахло, поэтому отец выезжал на охоту с друзьями. Возвращался он домой, как ни странно, в целостности и сохранности, навеселе, с ружьем наперевес и пустой охотничьей сумкой за плечом. За всю свою охотничью карьеру отец убил одну мелкогабаритную ворону, и то потому, что она зловеще каркала над нашими горе-охотниками, когда те пытались культурно отдохнуть после трехчасового безрезультатного прочесывания леса.

– Она каркала и каркала, ну я и выстрелил наугад, чтобы поугадать ее, – рассказывал потом отец, – а ворона возьми и свались нам на голову!

При возвращении с охоты папа первым делом тщательно прятал ружье. Заходил он домой на цыпочках, в надежде, что дети его не услышат, но куда там! Мы сразу выбегали ему навстречу и вешались гроздьями ему на шею. «Хватит, хватит», – нарочито хмурился папа. Ружье предательски выглядывало из-за его плеча.

Конспиративно ссутулившись, отец пятился в сторону своей спальни, нашаривал дверную ручку, при этом смотрел на нас грозно выпучившись, заползал задом в комнату и тщательно запирали дверь. Папа пребывал в счастливой уверенности, что никто, кроме него, не знает, где он прячет ружье.

Хех, папа плохо знал своих дочерей!

Как только за ним закрывалась дверь, мы сбивались в стайку и, затаив дыхание, подслушивали. Далее раздавался один и тот же, нарабатанный годами, звукоряд.

Бум!

– Это он поставил стул под антресоли, – волновались ряды преданных слушателей.

Хрясь!

– Ага, встал на стул и ударился головой о выступ.

Шур-шур-шур!

– Заворачивает ружье в газеты и прячет за одеяла, – удовлетворенно констатировали мы.

Бах! Бах! – захлопнул дверцы антресолей.

Плюх, – спрыгнул со стула (умильный вздох).

К моменту, когда папа, переодетый, выходил из спальни, наш след уже давно простывал.

Когда родители куда-то уезжали, мы часто забавлялись тем, что доставали папино ружье и по очереди перезаряжали его. При этом одна из девочек всегда стояла на стреме, чтобы сообщить о внезапном появлении родителей.

Завязка

Напротив нашего дома, через улицу Ленина, на счастливом расстоянии в триста метров (почему счастливом, поймете по ходу действия), окна в окна с нашей квартирой проживал мой классный руководитель и по совместительству физрук Мартын Сергеич. Мартын Сергеич был известным на весь город стукачом. Люди за спиной пренебрежительно называли его кагэбэшной шестеркой. В течение рабочей недели МС вел наблюдение за учителями и старшеклассниками и делал заметки в блокноте, а потом бежал куда надо с подробным докладом. «Аж пыль столбом стояла, когда он мчался в КОНТОРУ», – презрительно кривила мама губы, рассказывая отцу об очередном кроссе Мартына Сергеича.

Я ненавидела его всей своей неокрепшей одиннадцатилетней душой. Мартын Сергеич имел обыкновение на уроке физкультуры поглаживать девочек по спине и нашептывать на ухо разные замечания типа: «Тебе, Алиханян, неплохо уже лифчик купить, а то грудь выросла и трясется при беге» или «Тебе, Шаапунни, надо бы шортики свободного кроя, а то эти практически обтягивают ягодицы».

Манюня, хотя и училась в другой школе, из дружеской солидарности ненавидела физрука не меньше, чем я. Когда она оставалась у нас с ночевкой, вечером неизменно подходила к окну, щурилась и презрительно цедила сквозь зубы:

– У этого козла в окнах уже горит свет!

Когда жена Мартына Сергеича вывешивала стирку на просушку, мы зорко выискивали белье МС и злобно его высмеивали.

– Смотрите, – покатывались мы со смеху, – Мартын-то, оказывается, носит огромные семейники, они уж точно не обтягивают ему ягодицы!!!

Кульминация

Как-то в праздники мама с папой и младшими сестрами поехали в гости к папиному коллеге. Дома остались я, Манюня и моя сестра Каринка, та еще штучка. С Каринкой можно было спокойно идти в бой, она любого дворового мальчика могла искалечить шипящим куском карбида или довести до слез издевками. К Каринке мы испытывали смешанное чувство любви, гордости и страха.

Остаться дома одним было для нас невероятным счастьем. Какое-то время мы забавлялись тем, что ковырялись в маминой шкатулке с бижутерией. Потом перемерили все ее наряды и туфли, перемазались ее косметикой и надушились всеми духами. Для пушшего аромата Манька сбрызнула нас освежителем воздуха «Лесная ягода». Амбре, которое мы источали, могло скопытить вполне боеспособную роту пехотинцев.

Когда зубодробительный марафет был наведен, мы решили сообразить светский раут на троих. Сварили кофе, притащили сигареты, долго искали индийские курительные палочки, но мама их куда-то упрятала. Ничтоже сумняшеся подпалили сухие колоски камыша в маминой икебанае.

Сели пить кофе. С первой же затяжки мы закашлялись, с первого же глотка нас чуть не вывернуло. Раут не оправдал наших ожиданий. Мы вылили кофе, спустили недокурные сигареты в унитаз, проветрили кухню.

Вышли на балкон явить миру нашу неземную красоту.

Но покрасоваться нам не удалось. Напротив, на своем балконе, сидел Мартын Сергеич и читал газету. У нас сразу испортилось настроение.

– Давайте мы сконцентрируем всю ненависть в наших глазах и высверлим в его голове дырку, – предложила Манюня.

Мы принялись сверлить Мартына Сергеича взглядом, полным ненависти, но долгожданная дырка никак не высверливалась. Физрук потянулся, сладко зевнул и почесал себя в живот. Мы разочарованно вздохнули.

Тогда Каринка внесла новое рацпредложение: а давайте, говорит, мы в него выстрелим из папиного ружья!

– А давайте, – всколыхнулись мы с Манькой и бросились наперегонки за ружьем. Вытащили с антресолей и притащили на балкон. Каринка уже заняла огневую позицию на полу за решеткой. Мы подползли к ней на брюхе и передали ружье.

– Зарядили? – грозно прошипела Каринка.

– Издеваешься! – возмутились мы.

Каринка заграбастала под себя ружье, долго прицеливалась и наконец выстрелила.

Раздался негромкий хлопок, мы выглянули из-за балконной решетки.

Мартын Сергеич сидел не шелохнувшись.

– Дай мне! – Манюня вырвала ружье из рук Каринки. – У меня глаз меткий, я его вмиг свалю!

Манька с минуту елозила пузом по полу, выбирая единственно правильную огневую позицию. Боевой чубчик ирокезом топорщился над ее лбом. Затаив дыхание, она долго прицеливалась, потом зачем-то зажмурилась, отвернулась и выстрелила.

Мы прождали несколько секунд и воровато выглянули из-за перил.

Балкон напротив был пуст!!!

– Я его убила, – выпучилась Манюня, – я его убила!

Мы по очереди отползли задом в дом и закрыли балконную дверь. Щелкнули затвором, ружье выплонуло горячие гильзы. Мы выкинули их в мусорное ведро. Потом изорвали в клочья новый номер «Литературной газеты» и прикрыли гильзы.

– Ладно, это мы, – вздохнула я, – сначала мы хотели убить Мартына Сергеича, стреляли в него два раза с нашего балкона, но ты не волнуйся, он живой и невредимый, мы уже позвонили к нему домой, он сам подошел к трубке. А потом я еще выстрелила в мусорное ведро.

Мама какое-то время переводила взгляд с нас на гильзы и обратно. Наконец по выражению ее лица стало ясно, что до нее дошел весь ужас содеянного нами. И до нас, кстати, он тоже дошел. Мы взвизгнули и бросились врассыпную.

Наказывала мама нас весьма своеобразно – в процессе нашего бега. Она хватала улепетывающего ребенка за шиворот или предплечье, отрывала с пола, награждала на весу шлепком и отправляла дальше по траектории его бега. Если она огревала нас достаточно больно, то остальную часть спасительной дороги мы преодолевали с перекошенными от боли лицами, а если нет – тут главное было убедительно сыграть эту перекошенность на лице, чтобы у мамы не возникло желания повторить свой фирменный шлепок.

Когда бежать стало некуда, мы попытались юркнуть мимо мамы в коридор. Первой на штурм ринулась Каринка, но мама схватила ее за шиворот, дернула вверх, преобильно ударила несколько раз по попе и отправила дальше. Каринка взвизгнула и, не останавливаясь, шмыгнула за угол. Через секунду из-за угла показалось ее сморщенное от боли лицо.

Пока мама отвлеклась на сестру, я попыталась проскользнуть мимо. К одиннадцати годам я успела вымахать в такую каланчу, что меня сложно было оторвать за шиворот от пола. Улепетывала я как комар-долгоножка, ловко переставляя длинными тонкими ногами. Поэтому мне достаточно легко удалось нырнуть под мамину руку и прорваться в спасительный коридор. Но я недооценила силу ее гнева.

Увидев, что жертва уходит безнаказанной, мама запустила в нее первым, что попало. А под руку ей попало пластмассовое мусорное ведро. Выпущенное маминой меткой рукой, оно нарисовало косую бумеранговую дугу и, настигнув меня уже за углом, красиво вписалось в мое левое ухо. Мир, благодаря брызнувшему из моих глаз искрам, засиял доселе невиданными красками. Ухо моментально запульсировало и увеличилось в размерах раза в три. Я взвыла.

Но убежать далеко мы позволить себе не могли, потому что в плену у мамы остался драгоценный трофей – Манюня. Поэтому мы с Каринкой выглядывали, потирая ушибленные места, из-за угла и горестно подвывали друг другу.

У Маньки надо лбом росла непокорная прядь волос, которую, чтобы кое-как пригладить и уложить в прическу, надо было обильно намочить водой и пришпилить заколкой. В минуты крайнего волнения эта прядь развевалась над Маней грозным ирокезом. Вот и сейчас боевой чубчик восстал над моей подругой, как большое соцветие зонтичного растения. Манька поскуливала и затравленно озиралась на нас.

И тут мама явила миру все коварство одной отдельно взятой взъерепенной женщины. Она не тронула Маню и пальцем. Она выговорила ровным, холодным голосом:

– А с тобой, Мария, разговаривать будет Ба!

Лучше бы мама мелко нашинковала Маню и скормила собакам! Лучше бы она выстрелила в нее из папиного ружья! Потому что разговаривать Ба не умела, Ба умела пройти по телу так, что потом на реабилитационный период уходило дня два.

– Теть-Надь, – залилась горячими слезами Манюня, – не надо ничего рассказывать Ба, ты ударь меня по голове ведром, а лучше несколько раз ударь! Пожалуйстааааааа!

Мы зарыдали в голос, мама обернулась на нас, потом посмотрела на Маню и разом упала лицом.

– Вы хоть понимаете, девочки, чем это могло закончиться? Вы хоть понимаете???

Эпилог

В тот же вечер папа отвез ружье своему неженатому коллеге, и они потом долго рыскали по его квартире в поисках укромного уголка.

Поздно ночью к нам заехал дядя Миша, и мама со слезами на глазах рассказала ему, что мы вытворили. Дядя Миша сначала молча выслушал маму, потом так же молча прошел в детскую спальню, поднял сонную Маньку с постели и отвесил ей могучий подзатыльник. Затем уложил ее обратно в постель и подоткнул со всех сторон одеяло.

– А потом знаете, что он сказал вашим родителям? – докладывала нам на следующее утро Манька. – Он им сказал – это правильно, что вы ничего не стали рассказывать Ба. Иначе мало никому бы не показалось. В том числе и вам. И мне.

Манька вздохнула и пригладила рукой складочки на юбке.

– Ба бы нас всех тогда побила, – взволнованно проговорила она и потрогала мое зудящее ухо: – Ого, еще горяченькое!

Глава 7

Манюня и ромалэ, или Ба сказала «господибожетымой»

Середина лета – жаркая для хозяек пора. Отходят черешня, абрикосы, малина, ежевика. Нужно успеть сварить варенье и приготовить джем. Нужно закатать в банки лучик летнего солнца.

Ба варила абрикосовый джем. На абрикосовый джем Ба слетались все пчелы с окрестных пасек, бабочки кружили за окном, радуга раскидывалась над домом Ба и связывала противоположные концы горизонта разноцветной подарочной лентой.

Природа регулировала температуру так, чтобы было не очень жарко, но и не слишком прохладно, а чтобы самое оно – градуса двадцать два, и легкий ветер колыхал ажурные занавески и деликатно постукивал ставнями открытых окон. Ибо даже природа старалась угодить Ба, когда она варила абрикосовый джем.

Потому что Ба в такие дни становилась совершенно несговорчивой и даже агрессивной. Конечно, в случае с Ба представить еще большую степень несговорчивости крайне сложно, но при большом желании можно.

Ба ваяла и творила, как Антонио Гауди на стройке собора Святого Семейства – без чертежей и набросков. И ни в коем разе нельзя было ее отвлекать, потому что она постоянно совершенствовала рецепт, добавляя ингредиенты на глаз, по щепотке, по ломтику, по крупинке... Уходила в сад и возвращалась с очередным букетом разнотравий: «В этот раз добавим еще листик можжевельника», – в задумчивости бубнила она себе под нос. Мы беспрекословно выполняли все ее поручения и, дабы не мешать ей, старались максимально слиться с обоями на кухне.

На нас с Манькой возлагалась обязанность подрумянить на большой сковороде фундук, выскрести ваниль из стручков, притомить в духовке апельсиновые и лимонные корочки, извлечь из абрикосовых косточек сладкие ядрышки и очистить от кожуры... Также мы вырезали из пекарской бумаги кружочки размером с горлышко банки. Эти кружочки Ба потом замачивала в коньяке и накрывала ими джем непосредственно перед закруткой.

За любой вопрос мы рисковали получить по лбу деревянной лопаточкой, которой Ба размешивала джем. Поэтому мы перешептывались, тихонечко пинались под столом или перемигивались. Ходили в туалет гуськом, по стеночке. Если Ба случайно натыкалась на нас, когда мы ползли, затаив дыхание, к выходу, она издавала глухой рокот грозовой тучи: «Ааааа, шли-

мазлы!!!» На шлимазлов мы никак не реагировали, потому что шлимазл являл собой чуть раздраженную, но, в принципе, вполне благодушную констатацию факта нашего существования. Но если Ба вдруг называла нас шлемиэлями, то у нас душа мигом уходила в пятки. Потому что этот таинственный шлемиэль она всегда сопровождала могучим подзатыльником!

Весь наш городок был в курсе, что Ба категорически нельзя отвлекать, когда она ТВОРИТ абрикосовый джем. Казалось, даже глупые ласточки старались изменить маршрут своего стремительного полета в столь ответственный для мироздания день.

И только цыганам было невдомек. Впрочем, что с них взять. Ведь появлялись они у нас наездами, раз в несколько месяцев, и совершенно не обязаны были быть в курсе всех нюансов местечкового масштаба.

Появлению цыган предшествовал тревожный слух. «Цыгане идут, цыгане идут!» – новость клубилась, опережая табор, сизым дымом заползала в каждую квартиру, перетекала со двора на двор и расползалась по кварталам. Смятенная тишина накрывала город кусачей мохеровой шалью. Люди свято верили, что цыгане воруют коней и детей, и, за неимением коней, прятали по домам своих отпрысков.

Табор раскидывал свои шатры неподалеку от городка, на берегу речки, и разводил в ночи высокие костры.

Показывались цыгане в городе на второй день своего приезда. Шли по улице цветастой говорливой толпой, о чем-то громко и весело переругивались, брэнчали гитарами. Потом распадались на маленькие группки. Женщины ходили по домам и предлагали погадать.

Я помню, как однажды к нам в дверь позвонила цыганка. Она курила сигарету и поминутно громко смеялась хриплым смехом. И называла маму «красавицадайпогадаю». Мама слабо улыбалась и отказывалась.

– Может, какое шмотье есть дома, которое вы не носите? – спросила цыганка.

– Сейчас посмотрю, – заторопилась мама и ушла за одеждой.

Я стояла в дверном проеме и во все глаза наблюдала за незваной гостьей. Она следила за мной насмешливым взглядом, потом бросила окурочек на пол, притушила его стоптанным носком туфли, поправила на голове платок.

– А знаешь, девочка, – сказала, – в твоей жизни все будет так, как ты захочешь, только тебе должно этого сильно захотеться.

– Знаю, – моментально соврала я.

Цыганка рассмеялась хриплым раскатистым смехом.

– Ну-ну, – сказала.

* * *

Колхозный рынок располагался в пятнадцати минутах ходьбы от дома Ба и в любое время года радовал глаз южным изобилием. Торговали там исключительно азербайджанцы, и долгое время прожившая в Баку Ба умела с ними договориться. Но сегодня подвела знакомая азербайджанка Зейнаб, которая из года в год привозила спелые медовые абрикосы на джем. Зейнаб бессовестным образом отсутствовала, и Ба, не увидев ее за привычным прилавком, сильно расстроилась.

– Где Зейнаб? – спросила она у продавщицы с соседнего прилавка.

– Слегла с ангиной, – ответила та, – ее сегодня не будет.

– А у кого мне, спрашивается, покупать абрикосы? – рассердилась Ба. – Можно подумать, она при смерти. Могла и с ангиной выйти на рынок!

– Возьмите у Мамеда, – предложила продавщица и показала рукой, куда надо идти.

– Я сама решу, у кого брать, – отрезала Ба и демонстративно пошла в противоположную сторону.

Мы молча последовали за ней. У каждой из нас в руках была плетеная корзинка, куда надо было потом сложить абрикосы.

Ба обходила прилавки и придирчиво перебирала фрукты.

– Абрикосы сахарные, – уверяли ее быстроглазые торговцы, – попробуй, не понравятся – не бери. Они тебе на варенье или на джем, сестра?

– Буду я вам отчитываться, – обрубала на корню светскую беседу Ба, – лучше скажите мне, почему свой урюк продаете?

– Зачем урюк? – обижались продавцы. – Смотри, какие сочные абрикосы, прямо с ветки. Мы с четырех утра на ногах, сначала собирали, потом на продажу привезли!

– Меня ваша биография не интересует, – отрезала Ба, – мне интересно знать, почему вы хотите мне всучить это убожество, от одного взгляда на которое волосы дыбом шевелятся!

– Два рубля, – обиженно протягивали продавцы.

– Вот сходите и купите венки себе на могилу за два рубля, – припечатывала Ба. – Где это видано, чтобы в июле за абрикосы такие бешеные деньги просили!!!

Переругавшись со всеми продавцами, она сделала круг и наконец дошла до прилавка, на который ей указала соседка Зейнаб. Мы увидели груды отменных золотисто-медовых, прозрачных, подернутых утренней росой абрикосов. За прилавком стоял маленький сторбленный мужичок в огромной кепке. Она была ему настолько велика, что, если бы не уши, прикрыла бы лицо забралом. Мужичок ежеминутно разглаживал на лбу околыш кепки и заправлял его за уши. Увидев Ба, он радушно улыбнулся, из-под пышных его усов выглянули два ряда булатных зубов.

Ба повернулась к соседке Зейнаб.

– Этот косоротый сморчок и есть твой Мамед? – крикнула она ей. Мы с Манькой чуть в землю не провалились со стыда.

– Зачем косоротый, – заволновался мужичок, – ничего не косоротый, Роза, можно подумать, ты меня первый день знаешь!

– А с того дня, как ты мне кислую малину продал, я тебя и знать не знаю, – сердито отрезала Ба, – почему твоя курага?

– Зачем курага? – Мамед обиженно поджал губы. – Посмотри, какой отборный продукт!

– Ты мне зубы своим замшелым продуктом не заговаривай, – встопорщилась Ба, – я у тебя цену спросила!

– Тебе, Роза, за рубль восемьдесят отдам!

– Рубль, или мы с тобой расходимся как в море корабли, – Ба достала из сумки кошелек и потрясла им перед носом Мамеда.

– Роза, – заплакал мужичок, – какой рубль, о чем ты говоришь, все по два продают! Рубль семьдесят, и считай, что я тебе сделал царский подарок!

Ба убрала кошелек в сумку.

– Рубль пятьдесят, – забеспокоился Мамед. – Роза, ты меня режешь без ножа!

– Пошли, девочки, – сказала Ба и величественно поплыла к выходу.

– Рубль сорок! – Мамед побежал за нами, крикнул кому-то на ходу: – Присмотри за прилавком.

Ба плыла сквозь толпу, как атомный ледокол «Ленин». Мы семенили за ней, боясь отстать и потеряться. Манька вцепилась в подол платья Ба, а другой рукой пошарила за спиной и поймала меня за локоть.

– Рубль двадцать, и это только потому, что я тебя сильно уважаю, – голос Мамеда потонул в гаме толпы.

Ба неожиданно резко остановилась, мы врезались ей в спину. Но она этого даже не заметила. Она обернулась, на лице ее сияла победная улыбка.

– Рубль десять, и я, так и быть, возьму у тебя семь килограммов твоей алычи!

* * *

По возвращении домой работа закипела со страшной силой. Ба промыла в проточной воде абрикосы, усадила нас за стол извлекать косточки. Притащила из погреба большой медный таз – неизменный атрибут для приготовления всех ее восхитительных варений и джемов.

Села перебирать с нами фрукты. Особенно спелые абрикосы разделяла на две половинки и отправляла нам в рот – ешьте, ешьте, потом будете пукать на весь двор!

Когда медный таз был наполнен абрикосами – настал момент священнодействия. Ба величественно ходила кругами и добавляла то крупинку сахара, то капельку воды. Мы тихонечко возились за столом с ванильными стручками. В кухне стояла торжественная, благоговейная тишина.

– Красавица! – как гром среди ясного неба раздался голос за нашими спинами.

Мы обернулись. В окно кухни заглядывала цыганка – она вся переливалась под лучами летнего солнца: легкий платок, кофта, несметное количество бус на шее слепили глаз золотом и бешеным разноцветьем зеленого, красного, синего и желтого.

– Красавица, – сказала цыганка, обращаясь к Ба, – дай погадаю!

Голос цыганки произвел в кухне эффект разорвавшейся бомбы. Ба окаменела спиной, сказала «господибожетымой» и резко повернулась к окну. Мы сгорбились за столом. Манька нашарила мою руку и произнесла одними губами: «Она сказала „господибожетымой“!»

Страх Маньки был легко объясним – Ба обращалась к Богу в случаях крайнего, неконтролируемого, темного в своей силе бешенства. Только два раза в жизни мы с Манькой удостоились от Ба этого «господибожетымой», и наказание, которое последовало за ним, по своему разрушительному эффекту могло сравниться только с последствиями засухи в маленькой африканской стране. Поэтому, когда Ба говорила заветное слово, мы инстинктивно горбились и уменьшались в размерах.

Но цыганка пребывала в безмятежном неведении. Она облокотилась о подоконник и улыбнулась Ба широкой, чуть бесстыжей улыбкой.

– Все расскажу, ничего не утаю, – протянула она мелодичным голосом.

– Уходите, – сдавленно прошептали мы, но было уже поздно.

Ба шумно выдохнула. Так тормозит локомотив, когда боится промахнуться мимо перрона – громким, пугающим пфффффф.

– Пфффффф, – выдохнула Ба, – а как это ты, милочка, к моему дому прошла?

– В калитку, она была не заперта, – улыбнулась цыганка.

– Убери локти с моего подоконника, – медленно проговорила Ба.

Цыганка не удивилась. Ей было не привыкать к раздраженному или настороженному к себе отношению, она много чего в своей жизни повидала и могла кого хочешь за пояс заткнуть. По крайней мере по выражению ее лица было заметно, что так просто она сдаваться не намерена.

– А хочу и облакачиваюсь, – с вызовом сказала цыганка, – что ты мне сделаешь?

– Отойди от моего подоконника, – подняла голос Ба, – и выйди вон со двора, еще не хватало, чтобы ты у меня что-то украдала!

Было еще не поздно уйти по-хорошему. Но цыганка не представляла, с кем имеет дело. И поэтому она допустила роковую ошибку.

– А захочу и украду, – сказала она, – нам сам Бог велел воровать. Да будет тебе известно, что наш предок украл гвоздь, которым хотели распять Христа! И в благодарность за это Бог разрешил нам воровать!

Ба выпучила глаза.

– То есть благодаря вам этому вероотступнику вогнали в обе ступни один гвоздь? – спросила Ба.

– Какому вероотступнику? – не поняла цыганка.

Ба пошарила за спиной и нащупала ручку чугунной сковороды. Мы тоненько взвизгнули – не надо! Но Ба даже не глянула в нашу сторону.

– В последний раз тебе говорю, отойди от окна, – сказала она.

– А не отойду, – цыганка подтянулась на руках и сделала вид, что хочет перебраться через подоконник в кухню.

В тот же миг Ба запустила в нее сковородой. Сковорода перелетела через кухню и с глухим стуком врезалась цыганке в лоб. Та покачнулась, всхлипнула и рухнула во двор. Мы прислушались – за окном царил мертвая тишина.

Ба спокойно повернулась к тазу с абрикосами. Осторожно перемешала джем деревянной лопаточкой. Мы с Манькой переглянулись в ужасе, нашарили ногами тапки, потянулись к двери.

– Наринэ?! – сказала, не оборачиваясь, Ба. – Набери своему отцу и скажи, что Роза убила человека. Пусть приезжает.

* * *

– Пять швов! Сотрясение мозга! Mam, ты соображаешь, что творишь? – Дядя Миша никак не мог успокоиться.

Был светлый летний вечер, пчелы с окрестных пасек кружили за окном ошалелым роем, соблазненные сладким ароматом абрикосового джема. Ба невозмутимо накрывала на стол. Нарезала крупными ломтями холодное мясо, выставила домашний овечий сыр, полила отварную картошку пахучим растительным маслом, посолила крупной солью, щедро посыпала зеленью.

– Mam, я с тобой разговариваю! – кипятился дядя Миша. – Ты хоть понимаешь, чего нам с Юрой стоило замать это дело, чтобы швы в больнице наложили без лишних вопросов?

Ба достала миску с камац-мацуном² и с громким стуком поставила на стол.

– Она мне сказала, что цыганам можно воровать, потому что их предок украл гвоздь, который должны были вогнать во вторую ступню Христа, – сказала она.

– Mam, ну мало ли что она сказала, не убивать же за это человека!

Ба вытащила из холодильника малосолевые огурчики.

– Гвоздь они украли, – хмыкнула она, – дали бы умереть этому несчастному вероотступнику хотя бы как положено, чтобы в каждой ступне по гвоздю!

Дядя Миша лишился дара речи. Мы с Манькой стояли на пороге кухни и, затаив дыхание, прислушивались к разговору.

Ба разорвала руками хрустящий матнакаш³ и сложила в хлебницу.

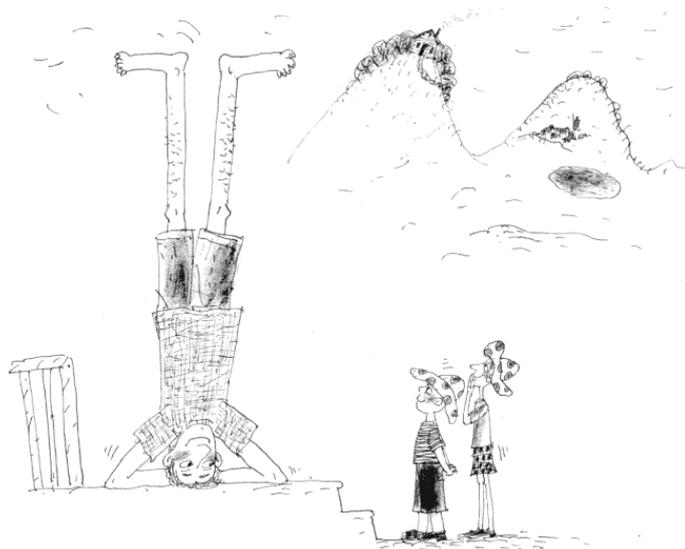
– Можно подумать, он того цыганского предка об этом просил! – важно сказала она и повернулась к нам: – Сударыни, вы пойдете кушать или и вам для разнообразия по шву наложить?

² Кисломолочный продукт.

³ Хлеб.

Глава 8

Манюня, или Что делает большая любовь с маленькими девочками

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Горы... Вы знаете, горы... Как вам объяснить, что для меня горы...

Горы, они не унижают тебя своим величием и не отворачиваются от тебя, вот ты, а вот горы, и между вами – никого.

Где-то там, внизу, облака – люди – ржавое авто, эге-гей, я частичка космоса, я Божья улыбка, я емь восторг, посмотрите, люди, в волосах моих запутались звезды, а на ладонях спят рыбы.

Горы... Я их всегда ощущаю на кончиках своих пальцев, особенно остро – когда температуру.

Помню, нам с Манюней было по десять лет, мы стояли на вершине, держались за руки, и было нам очень страшно. Я сделала шаг к краю, и Манюня тоже сделала шаг, и сердце мое подпрыгнуло высоко к горлу и заклокотало – заполоскалось – затрепетало пойманной птицей.

– Иииииииииииии, – выдохнула Маня, – иииииииииииии.

А я и выговорить ничего не могла, я превратилась в один протяжный вдох, и высота манила вниз, можете себе такое представить, высота манит не вверх, а вниз, хочется разбежаться и полететь, но не до солнца, а до камней долететь.

И я обернулась.

– Па? – неуверенно спросила.

– Вы только не пугайтесь, – сказал папа, – вы просто запоминайте, вам теперь нести это в себе всю оставшуюся жизнь.

* * *

И помню другой день, и снова горы, мы стояли на берегу чистейшего горного ручья.

– Девочки, посмотрите сюда, – сказала моя бабушка Тата.

Она подняла с земли кусок подернутого ледяной коркой летнего высокогорного снега – от таких подтаявших ледников набирал свою силу журчащий ручей – и разломала его пополам.

И мы ахнули – все рассыпчатые внутренности снега кишели червями.

– Как такое может быть? – спросили мы.

– Прах еси и в прах возвратишься, – сказала Тата, – это касается и нас, и всего, что вы видите кругом, – снега, камней, солнца.

– И Бога? – осторожно спросили мы.

– И, конечно, Бога, – ответила моя мудрая Тата, – бессмертие – это такая непростительная трусость... Особенно непростительная ЕМУ.

А ТЕПЕРЬ ИСТОРИЯ

Роковая встреча Мани с ее любовью случилась на нашей даче.

Каждое лето моя семья выезжала в горы, где на макушке поросшего лесом холма, в маленьком дачном поселке, у нас имелся свой домик. Деревянный такой, добротнo сколоченный теремок с верандой, двумя спальнями и большой кухней, совмещенной с гостиной. Выражаясь современным языком, мы являлись счастливыми обладателями загородного коттеджа, правда, с весьма скромной внутренней обстановкой. Двухъярусные детские кровати, например, нам сколотил знакомый плотник, при этом сколотил их так, что подниматься на верхний ярус можно было только по стремянке, ибо лесенка получилась настолько кривобокой, что ребенок, решившийся вскарабкаться по ней, рисковал свалиться и свернуть себе шею.

Аскетическое убранство дома с лихвой восполнял вид, открывающийся за окном. Когда ранним летним утром мы выходили на порог, природа, отодвинув занавес плотного утреннего тумана, являла нашему взору свою неповторимую, омытую прохладной росой красоту, дурманила острым ароматом высокогорных трав, шумела кронами вековых деревьев да манила в лес далеким криком одинокой кукушки.

Это было невероятное счастье – ощущать себя частичкой такой красоты.

Воздух в горах был вкусный и нестерпимо прозрачный, он не давил и не утомлял, он мягко обволакивал и успокаивал. Становилось звонко и легко от беззаботности своего существования, да, становилось звонко и легко.

Просыпались мы с раннего утра от негромкого стука в окошко. Это наш знакомый пастух дядя Сурен принес домашних молочных продуктов.

Дядя Сурен был обветренный, грандиозный в своем сложении пятидесятилетний мужчина – огромный, широкоплечий, могучий, весь пропахший дымом от костра. Казалось, природа слепила его из цельного куска горной породы, он был красив той редкой и скупой красотой, внешней, но более – внутренней, которая свойственна жителям высокогорья. Росту в нем было не менее двух метров, по молодости он был быстр и неуклюж, но со временем приучил себя двигаться медленно и не столь резко, иначе, шутили люди, во-первых, за ним не поспевали коровы, а во-вторых, они пугались его размашистого крупного шага и не давали молока.

Дядя Сурен ежедневно гнал мимо нашего домика стадо по виду совершенно армянских, мосластых, тонконогих, широкозадых и, если вы позволите мне такое выражение, – носатых коров.

– Доктор Надя, – звал он маму (в его исполнении мамино имя звучало как Натъя), – я вам принес сепарированной сметаны.

Доктор у меня папа, мама – преподаватель, но дядя Сурен совершенно не брал в расчет такие нюансы. Среди простого люда авторитет отца и его профессии был настолько высок, что простирался над остальными членами нашей семьи и облагораживал всех!

Мама выходила на крыльцо и забирала у дяди Сурена неожиданно кокетливый для его грозного антуража расписной эмалированный кувшинчик в мелкие лилии.

– Сурен, – говорила мама, – может, вы хотя бы сегодня зайдете попить с нами кофейку?
– Что вы, что вы, – пугался пастух, – меня стадо ждет!

Стадо коров действительно терпеливо переминалось на почтительном от нашего домика расстоянии, две огромные, ужасающего вида кавказские овчарки, вывалив из пасти длинные языки, остервенело махали маме хвостами.

Я, наспех одетая, стояла на стреме за дверью. Главное было не упустить момент. Дядя Сурен ежедневно приносил нам продукты: домашнее масло – желтое, чуть подернутое каплями солоноватой пахты, мацони, сепарированную сметану, брынзу или густое, еще теплое парное молоко. Продукты эти приносились якобы на продажу. Но после одной-двух дежурных фраз он вручал маме свой расписной кувшинчик и норовил ретироваться раньше, чем мы успевали расплатиться с ним.

Ритуал был трогательный и отработанный годами до мелочей: дядя Сурен стучался в окно, мама открывала дверь и приглашала его на кофе, он отказывался и моментально пунцовел – мама была чудо как хороша в светлом сарафанчике, с роскошными русыми волосами по плечам. По первости она, заинтригованная такой его реакцией, решила, что наш замечательный знакомый просто стесняется зайти в дом, и стала выносить ему чашечку кофе на крыльцо. Дядя Сурен брал крохотную чашку в свои огромные руки и держал ее бережно в течение всего коротенького разговора, не осмеливаясь отпить и глоточка. Далее он возвращал маме чашку, оставлял у нас свой кокетливый молочник до вечера – не тащить же его с собой на пастбище, и спешно начинал пятиться в направлении своего стада. Вместе с ним приходили в движение его коровы и огромные овчарки. Если кто видел, как выходят армяне из григорианских храмов – пятясь, не оборачиваясь спиной к образам, то он может себе представить всю прелесть действия, разворачивавшегося перед маминым взором.

И в этот миг приходил черед моего выхода на авансцену – я выпрыгивала из-за двери, сжимая в руках деньги, и догоняла огромного дядю Сурена, коров и двух ужасающих на вид овчарок. Дядя Сурен прикрывал огромными ладонями свои карманы и всячески сопротивлялся: «Это моя Мариам для вас передала, – отбивался он, – не надо ничего, мы от чистого сердца, у вас вон сколько детей, это доктору, это девочкам...»

Если мне удавалось закинуть ему деньги в карман и отскочить до того, как он мне запихнет их обратно за шиворот, то я убегала без оглядки к дому, одним прыжком перемахивала через три ступеньки крыльца и захлопывала за собой дверь. Сердце колотилось так громко, что казалось – его стук эхом разносится по соседним холмам.

– Удалось? – спрашивала мама.

– Аха, – выдыхала я.

– Ну слава богу, – говорила мама, – ты посмотри, какую он нам сметану принес!

Сметана была восхитительной – желтая, жидкая, в толстой пенке взбитых сливок на горлышке кувшина. Так что, милые мои друзья, когда торговцы на рынках нахваливают вам свою густую, первой свежести сметану, то они лукавят, конечно. Свежая сепарированная сметана жидкая, чуть гуще 33 %-ных сливок, и твердеет она только на второй-третий день хранения на холоде.

Я стояла у окна и следила, как стадо коров уходит вдаль. Холм утопал в утреннем тумане, и было такое ощущение, словно коровы подцепили своими высокими рогами нижний край туманного полотна и гордо несут его над собой...

Мама нарезала большими дольками мясистые помидоры, болгарский перец и огурцы, поливала сверху сметаной, посыпала крупной солью да зеленью, мы ели летний салат, заворачивали в лавашные влажные шкурки домашний козий сыр. Друзья мои, кому, кому еще сказать спасибо за эти божественные вкусы-запахи-воспоминания? Кого я еще забыла поблагодарить?

Помню, как в один такой день к нам из леса вышел большой бурый медведь. И, видимо, в тот самый миг ангел свел домиком над нами свои ладони, потому что медведь постоял какое-то время, понаблюдал за нами, окаменевшими от ужаса, затем повернулся и неспешным шагом ушел в лес.

А вечером возвращался дядя Сурен, стадо медленно брело рядом – усталое, с набухшим выменем, густо мычало и топталось поодаль, пока пастух забирал у нас свою тару. Он приносил нам на большом листе лопуха горсть лесных ягод, орешков или грибов, которые мы потом запекали на решетке. Рассказать, как? Нужно было отделить аккуратно шляпку гриба от ножки, положить в каждую шляпку кусочек домашнего масла, чуть посолить и запечь на углях. Грибы подергивались дымным запахом костра, масло скворчало и впитывалось в мякоть, ммм, такая получалась вкусотища!!!

Как-то утром мама долго не выпускала нас с Маней из дома, а все придирчиво разглядывала с ног до головы да поправляла наши платица. Мы переминались в нетерпении – за порогом нас ожидали неотложные дела. Вчера на склоне холма мы обнаружили большое семейство ядовитых грибов, именуемых в народе «волчий пук». Грибные шляпки имели сферическую форму, и если кто-то их задевал – мигом взрывались, распространяя вокруг немилосердную вонь. Мы с Маней передавили все грибы и долго плевались, приносиваясь к отвратительному смраду, исходившему от них. Сегодня надо было проверить, что стало с истоптанными грибами, и продолжают ли они распространять вчерашнюю убийственную вонь.

Наконец мы вырвались из маминых рук и нахлобучили на головы наши кособокие панамы. При виде панам мама наморщилась, как от зубной боли.

– Может, все-таки косыночки вам повязать? – предложила, впрочем, без особой надежды в голосе, она.

– Нет! – закричали мы с Манькой. – Какие косыночки, ты нам еще слюнявчики повяжи!

– Понимаете, девочки, – мама замялась, – к тете Свете приехала ее сестра Ася с мужем и сыном. Не хотелось бы, чтобы вы выглядели перед ними пугалами. Остальные девочки все при полном параде, с аккуратными хвостиками или косичками, а вы носитесь в этих уродливых панамах, только народ распугиваете.

– Сами же их нам сшили, – обиделись мы, – сначала говорили, что у нас воинственный вид, а теперь, значит, мы два пугала, да?

– Ну, как хотите, – вздохнула мама, – вы только ведите себя прилично и не шумите сильно, а то у тети Аси муж из Москвы, и он, глядя на вас, может подумать, что здесь одни дикари живут.

– А чего это он должен так подумать? – рассердились мы.

– Так он же москвич, вырос в столице. Поди у них в городе все девочки ходят в ажурных платьях и делают книксен, – хитро улыбнулась мама.

Маня надулась.

– Можно подумать, – пробубнила она, – книксен они делают! Эка невидаль. Пойдем посмотрим на этого москвича, заодно и покажем ему, как мы умеем делать книксен!

И мы пошли к дому тети Светы высматривать таинственного москвича. Тети-Светын дом находился недалеко от нашего, на южном склоне холма.

– Ты хоть знаешь, что такое книксен? – Манька воинственно шмыгнула носом, искала в кармане платок и, не найдя его, вытерла сопли тыльной стороной ладони.

– Не знаю, – мне было жутко обидно, что я, в отличие от московских девочек, чего-то не умела.

Мы какое-то время шли молча. Загадочное слово «книксен» взбудоражило наши умы, проникло в какие-то потаенные уголки сознания и требовало немедленной сатисфакции – нам

хотелось прямо здесь и сейчас совершить какую-нибудь гадость. Я обернулась, посмотрела кругом – ни души.

– Москвички – в жопе спичкиииииииии! – проорала мстительно.

– А-ха-ха, – демонически рассмеялась Маня, – а-ха-ха!!!

– Не надо было грибы-вонючки давить. Можно было закидать ими двор тети Светы, – мы гаденько захихикали, – и, пока московский крендель ушами бы хлопал – наш след давно бы уже простыл.

Мы обошли холм южной стороной и приблизились к тети-Светыному дому.

– А вообще, как он выглядит, этот москвич? – задумчиво протянула Маня.

– Красивый, наверное. Обязательно в футболке с олимпийским мишкой на груди, – стала разбалтывать я свои сокровенные фантазии, – играет на гитаре и ест мороженое эскимо столько, сколько ему влезет, как старик Хоттабыч!

– Ну, – Маньке в целом понравился образ, который я нарисовала, – пожалуй, я была бы не против, если бы он еще трамваи водил.

– Трамваииии, – закатила я глаза, – дааааа, это было бы вообще здорово!!!

Манька посуровела.

– Но в целом он гадкий и сморкается в скатерть, а еще у него из носа торчат пучки волос, – заявила она.

– И уши у него волосатые! – вставила свои пять копеек я.

Наконец мы дошли до дома тети Светы, толкнули калитку и вошли во двор. Сделали несколько шагов по вымощенной речной галькой тропинке и встали как вкопанные.

На веранде тети-Светыного дома, аккуратно за глухими перилами, на фоне деревянной стены торчали две длинные бледные ноги. Они бесконечно тянулись вверх и весьма предсказуемо венчались большими плоскими ступнями. Ноги были в меру волосатые и воинственно топорщились острыми коленями.

– Это что такое? – вылупилась Манюня. – Это как называется, он вошел в дом, а ноги отстегнул и оставил на пороге вверх ступнями проветриваться?

– Да ну тебя, – захихикала я, – просто туловище за ограждением, вот мы его и не видим, он на голове стоит!

– А чего он на голове стоит, у них в Москве так принято гостей встречать? – съехидничала Манюня. – Пойдем поздороваемся с этим ненормальным, что ли.

В тот же миг ноги исчезли за перилами. Мы замерли.

– Сейчас покажется, – шепнула Манька. Но из-за ограждения никто не появлялся. Мы прислушались – ни звука. – Умер, – шепнула Маня, – а может, просто уснул. Пойдем, чего мы тут стоим, надо же ему книксен сломать!

Мы осторожно прошли вдоль веранды, поднялись по ступенькам и заглянули туда, где с минуту назад торчали ноги.

– Бу! – неожиданно выскочил нам навстречу высокий молодой человек.

Мы взвизгнули и пустились наутек. Но молодому человеку в комплекте с длинными ногами выдали не менее длинные руки, поэтому он быстро схватил нас за плечи.

– Ну я же пошутил, девочки, что вы так испугались, – улыбнулся он. – Давайте знакомиться, меня зовут Олег, а вас как величают?

Мы зачарованно смотрели на него снизу вверх и молчали, словно воды в рот набрали. Олег выглядел как главный герой из фильма «Пираты XX века» – такие же голубые глаза, широкий лоб и ямочка на подбородке. А еще у него на шее болтался ажурный крестик.

– Ааааа, я понял, вы, наверное, немые, да, девочки? – хитро прищурился Олег.

– Да, – подала голос Маня, – мы немые, а зато у вас ноги бледные и волосатые!

– А у вас изумительные головные уборы, они вам очень к лицу, – загоготал столичный гость.

– Это не головные уборы, – рассердилась Маня, – это чтобы нам лысины прикрывать. – И, к моему ужасу, сдернула с головы панаму.

– О! – Наш новый знакомый растерялся, но быстро нашелся: – Ну и что, вы и без волос писанные красавицы.

Маня засопела, скрутила жгутом панаму, потом сунула ее мне:

– Забери себе, – прошипела уголком рта.

Я молча взяла панаму и разгладила ее в руках.

– А еще нам сделали маску из бараньих какашек и синьки, и какое-то время мы ходили с голубыми головами. – В Маньку словно бес вселился.

У гостя из столицы вытянулось лицо. Нужно было срочно спасти положение, пока он окончательно не решил, что столкнулся с дикарями.

– Всего два дня! – кинулась я восстанавливать нашу пошатнувшуюся репутацию. – Всего два дня мы ходили с синими головами, а потом маме с Ба пришлось шить панамы, потому что кругом дефицит и достать в магазине ничего нельзя! Поэтому мы сейчас выглядим как два пугала.

Манька пребольно пихнула меня локтем в бок.

– Дура! – прошипела она.

– Сама такая! – пихнула я ее в ответ.

Олег зашелся в хохоте. Мы с каменными лицами переждали беспардонное зубоскальство московского гостя. Он отдышался, протер ладонями брызнувшие из глаз слезы – на безымянном пальце его правой руки блеснуло желтой полоской обручальное кольцо.

– Девочки, а вы мне определенно нравитесь, – выговорил он наконец, – и акцент у вас такой забавный!

– А у вас акцент препротивный, – пошла в наступление Маня. – И кольцо вы носите не на той руке!

– Как это не на той? – Олег растопырил пальцы, а потом помахал ими у нас перед носом. – Наоборот, на той, православные носят обручальные кольца на правой руке.

– А мы, получается, левославные, – решила блеснуть эрудицией я.

– В смысле – левославные? – удивился Олег.

– Ну, в смысле, что носим обручальные кольца на левой руке, – отрапортовала я.

Мне этот Олег сразу понравился, и я, что греха таить, старалась тоже ему понравиться. В моей душе зашевелился укол ненависти к этой противной Асе, которой достался такой замечательный молодой человек.

– А это правда, что вы из Москвы? – поинтересовалась я.

– Правда, я родился и вырос в Москве. Потом женился на тете Асе. А потом у нас родился сын Артем. Ему пять, и он очень хороший мальчик, я надеюсь, что вы с ним подружитесь.

– Очень надо, – огрызнулась Маня.

Я помертвела. Мне было очень стыдно за свою подругу. Манька из улыбчивой и вежливой девочки превратилась в маленького злого бесенка, смотрела исподлобья, стояла руки в боки и воинственно топорщилась круглым пузом.

Но отчитывать подругу при чужом человеке было бы последним делом, поэтому я как ни в чем не бывало продолжила светский разговор:

– А где ваша жена?

– Они со Светой и детьми пошли прогуляться по поселку, а я решил пока заняться йогой, – пояснил Олег. – Скоро вернутся, вы сможете познакомиться с нею.

– Ладно, я пошла, некогда мне тут с вами разговаривать, – процедила сквозь зубы Манька.

Она сделала лицо кирпичом, спустилась по ступенькам во двор, вырвала голыми руками торчащий из-под лестницы стебель матерой крапивы и, размахивая им по сторонам, пошла

к калитке. Я покорно поплелась за ней, предварительно сдернув со своей головы панаму, – позориться, так вместе. Вырвать стебель крапивы смалодушничала.

– Девочки, вы так и не сказали, как вас зовут! – крикнул нам вдогонку Олег. – И скажите на милость, зачем вам крапива?

– Зита и Гита, – не оборачиваясь, зло ответила Маня, – нас зовут Зита и Гита, а крапива нам нужна для занятий йогой. – Она пропустила меня вперед и демонстративно громко стукнула калиткой.

Мы прошли вдоль забора тети-Светыного дома и свернули за угол. И только здесь Маня выкинула крапиву в кусты.

– Кусачая, зараза, – процедила она сквозь зубы.

– Чешется? Может, смочить ладонь водой? – спросила я.

– До дома дотерплю, – Маня впервые глянула на меня и тут же отвела глаза. Выражение ее лица было такое, что у меня сразу пропала всякая охота задавать ей лишние вопросы.

– А давай наперегонки! – предложила я.

– Побежалиииииии! – заорала Манька.

Когда мы ворвались в дом, мама пыталась накормить мою младшую сестру Сонечку картофельным пюре. Маленькая Сонечка чуть ли не с рождения демонстрировала поразительную разборчивость в еде. Все, кроме докторской колбасы и перьев зеленого лука, она категорически исключила из своего рациона. Вот и сейчас она с облегчением выплюнула пюре себе на слюнявчик и потянулась ручками к нам.

– Зями меня на юкки, – пролепетала жалобно.

Манька состроила ей козу, погладила по головке.

Хмыкнула. Из ее ноздри выдулся большой пузырь. Маня с шумом втянула его обратно.

– Теть-Надь, я, кажется, влюбилась, – ошаршила она маму.

– Так, – мама вытащила из кармана платок и заставила Маньку высморкаться, – и в кого это ты влюбилась?

– В мужа тети Аси. – Маня посмотрела на маму долгим немигающим взглядом, потом тяжело вздохнула: – Вот! Вы только не говорите ничего Ба, а то она сделает все возможное, чтобы помешать мне выйти за него замуж!

Мама выронила платок. Оставшаяся без внимания Сонечка дотянулась до тарелочки с пюре и с наслаждением погрузила туда свои пухленькие ручки.

Это была «взрослая» и, увы, самая беспощадная в своей безответности любовь моей Мани. Все оставшиеся дни пребывания тети-Светыных гостей она посвятила целенаправленному сживанию объекта своего почитания со света.

На третий день, под покровом ночи, московские гости отбыли восвояси. Вполне возможно, что Олег, истерзанный разрушительными ухаживаниями Мани, уезжал на всякий случай переодетый, как Керенский, в костюм сестры милосердия. Это так папа предположил, комментируя поспешный их отъезд.

– Во всяком случае, – продолжил он в задумчивости, – кто-нибудь из них должен был сдать – или Маня, или Олег. Просто у Олега оказался хороший инстинкт самосохранения, – рассмеялся папа и натянул Мане на глаза панаму. – Ну что, маленький агрессор, неси карты, сейчас будем резаться в подкидного дурака!

Глава 9

Манюня влюбилась, день второй, или Щедрые дары волхвов

Шел второй день пребывания московских гостей на тети-Светыной даче. Весь вчерашний вечер Манюня провела в душевных терзаниях – ей было очень неудобно за свое грубое поведение перед Олегом.

- Какая муха меня укусила? – причитала она.
- Небось какая-нибудь зловредная муха, – подливала я масла в огонь.
- Это ты так обзываешься или утешаешь меня? – разозлилась Маня.
- А нечего было человеку грубить! – пошла в наступление я.

После небольшого кровопролитного совещания мы все-таки пришли к совместному решению, что Манюне надо обязательно просить прощения у Олега.

Потом мы какое-то время рыскали вокруг тети-Светыного дома, все придумывали, в какой бы форме ей извиниться, чтобы и глубину своего раскаяния показать, и не сильно ударить в грязь лицом.

– Нужно извиняться так, чтобы никто другой, кроме него, тебя не слышал, – инструктировала я. – Ты просто подкрадешься к нему и шепнешь: простите меня, пожалуйста, я так больше не буду.

– Этого мало, мне нужно попросить прощения и еще кое-чего ему сказать, – упорствовала Маня.

– Что ты ему хочешь еще сказать?

– Я пока сама не знаю.

– Тогда, может, ты брякнешь первое, что придет тебе в голову? Можешь просто сказать: «Какой сегодня день хороший извините меня пожалуйста я так больше не буду!»

– Давай мы еще чуток погуляем, прорепетировать надо! – Манька умоляюще посмотрела на меня.

Ладно, гуляем дальше.

Наматываем круги, репетируем вслух извинения, мозолим глаза соседу дяде Грише, который уже с явным подозрением выглядывает из-за своего забора, беспокоясь, чего эти мы так упорно метим территорию по периметру тети-Светыного дома.

Каждый раз, равняясь с ним, мы важно здороваемся:

– Здравствуйте, дядя Гриша!

– Девочки, неужели вам больше негде гулять? – После нашего третьего невозмутимого приветствия у дяди Гриши сдают нервы.

– Негде! – Маня исподлобья смотрит на дядю Гришу. – Негде, а главное – незачем!

Дядя Гриша качает головой и отходит в сторону – не каждый взрослый в состоянии хладнокровно здороваться с двумя ненормальными девочками три раза подряд в течение десяти минут.

В момент, когда количество витков вокруг тети-Светыного дома реально угрожает перевалить за сотню, Маня решительно останавливается напротив калитки.

– Пора! – командует уголком рта и втягивает голову в плечи. Берет штурмом забор и боевым зигзагом, заматавая следы, короткими перебежками от одного смородинового куста к другому, продвигается к дому. Я, затаив дыхание, бесшумно слеую за ней.

Мы быстрые и ловкие, как сто тысяч гепардов, мы смертельно опасные, как занесенная над позвоночником косули лапа разъяренной львицы! Дай нам сейчас роту зловредных душманов – и они на своей шкуре испытают процесс радиоактивного бета-распада. Ни одна камера не зафиксирует наши слаженные передвижения – настолько убедительно мы слились с окружающим ландшафтом!!!

– Девочки, – как гром среди ясного неба раздается вдруг голос тети Светы, – что это вы там делаете? Зачем топчете мою петрушку? Ну-ка, вылезайте к веранде!

Секретная операция провалена. Мы пристыженно покидаем место нашей дислокации.

Тетя Света выглядывает из окна, у тети Светы такое недоумевающее выражение лица, словно невидимыми нитями поддели ее веки и сильно потянули вверх и вниз. Еще чуть-чуть – и ее глаза вылезут из орбит.

– Наринэ, Мария, вам не стыдно? Что это вы там затеяли?

Мы виновато топчемся на месте и молчим словно воды в рот набрали. Нам действительно очень стыдно. Тетя Света – самый лучший педиатр нашего района, она знает нас буквально с первого дня рождения и все наши болячки помнит наизусть. Можно сказать, мы выросли на ее глазах и при самом непосредственном ее участии. Поэтому ничего другого, кроме как позорно торчать живописной окаменелой кучкой посреди двора, нам не оставалось.

Вдруг открывается дверь, и на веранду выскальзывает девушка потрясающей, неземной красоты. Она невысокая и хрупкая, у нее большие миндалевидные глаза, изогнутые в полуулыбке губы, золотистая кожа и роскошный хвост каштановых волос. На ней темно-синие фантастические джинсы и кофта в обтяжку. Она вся какая-то светящаяся, нездешняя и прекрасная. Вот, значит, какая эта Ася! У меня больно сжимается сердце – никогда, никогда не променяет Олег такую красавицу на мою Манюню.

Ася разглядывает нас так, словно мы два вылезших на поверхность земли дождевых червя.

– Кто эти девочки, Света? – спрашивает она.

– Это Надина дочка со своей подружкой, они почему-то прятались за смородиной и вытоптали мне все грядки с зеленью!

Ася изгибает бровь. Откуда-то из памяти всплывает слово «лунолика» и подпрыгивает невидимым мячиком на кончике моего языка. «Лунолика», – украдкой шепчу я, принаравливаясь к непривычному звучанию слова.

Тем временем лунолика облакачивается на перила веранды.

– Странные какие-то вы девочки, зашли без спросу, вытоптали грядки, вас сюда кто-то звал? – фыркает она.

– Да я их сто лет знаю, – заступает за нас тетя Света, но ее прерывает скрип открывающейся калитки. Тетя Света улыбается и теплеет лицом.

– Мама, тетя Света, мы видели в небе большого орла, – раздается за нашими спинами радостный детский голос. Мы оборачиваемся. К дому бежит маленький кудрявый мальчик в голубенькой футболке и клетчатых шортах. Следом за ним идет Олег. Заметив нас, он останавливается и моментально расплывается в широкой улыбке.

– Аааааа, Зита и Гита, это снова вы? Пришли за новым букетом крапивы для занятий йогой?

– Какие еще Зита и Гита? – обратно начинает сильно недоумевать тетя Света. У нее привычным маршрутом вылезают на лоб глаза и всячески грозятся отделиться от хозяйки и пуститься в свободное плавание.

Олег молчит и улыбается. Он прекрасен, как неженатый тронный принц в одном отдельно взятом сказочном королевстве.

– Пойдем, – Маня не выдерживает сияния, исходящего от Олега, и дергает меня за локоть.

Она делает несколько стремительных шагов, потом вдруг останавливается как вкопанная. Я больно налетаю на нее. Манька отодвигает меня рукой и оборачивается к веранде. Застывшим Маниным лицом вполне себе можно колоть орехи или вбивать аршинные гвозди в бетонную стену. Если быстренько снять с ее лица гипсовый слепок и всяко-разно его раскрасить, то не исключено, что можно будет потом его выставить в нашем краеведческом музее как ритуальную маску ацтекского бога войны Вицлипуцли.

С минуту моя подруга сверлит немигающим тяжелым взглядом дыру где-то в районе префронтальной зоны правой лобной доли Аси. Шумно выдыхает:

– Никогда!

Оборачивается далее маской Вицлипуцли к Олегу, выплевывает по слогам:

– Ни-ког-да!

Улыбка замерзает на лице Олега. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но Маня предостерегающе поднимает ладонь. Олег замирает. Маня обходит его брезгливой дугой и прет танком к калитке. Я еле успеваю за ней.

– Наринэ, вы куда? – Тете Свете все нейдет, тете Свете уже безразлична судьба ее оттопыренных глаз. – Девочки, что с вами?

Возле калитки Манюня оборачивается и выкрикивает, торжествуя:

– Никогда! И ни за что!!!

Занавес.

* * *

Так прошел первый день любовного настроения моей Мани. Поздно вечером, когда мы уже лежали в постели, тетя Света с Олегом и Асей заглянули на огонек к моим родителям. До нас долетали обрывки разговора и взрывы хохота, потом наступила внезапная тишина, кто-то забренчал на гитаре и запел низким, чуть хриловатым голосом «Арбатского романса старинное шитье». Манечка мигом села в постели, на фоне ночного окна смешно вырисовалась торчащими вразнобой ушками ее круглая голова, она обернулась ко мне и трогательно выдохнула:

– Это ОН!

Уснули мы с глубоким чувством выполненного долга.

* * *

Второй день начался Маниными ритуальными занятиями на скрипке. Занятия периодически прерывались громкими «не хочу», «надоело» и «почему я должна, а Нарка нет?».

Почему Нарка нет – потому что Нарке в кои веки повезло, и ее взяли в класс фортепиано, а не флейты, например. А кто дурак перевозить фортепиано на лето из квартиры на дачу?

Пока Маня мучила скрипку, я возилась со своей младшей сестрой Сонечкой – отбывала наказание за Манюнины страдания. Мама решила, что так будет справедливее. Мы с Сонечкой, контуженные Маниной игрой, тихо переключивали кубики и лепили пластилиновых уродцев.

Сразу после занятий, пока я убирала игрушки, Манька выскользнула за порог. Через какое-то время она заглянула обратно: «Пойдем», – шепнула конспиративно мне.

– Куда? – напряглась мама. – Снова к тете Свете? Она рассказала нам про все ваши проделки, как вы грубили Олегу и вытоптали грядки с петрушкой. Разве можно так себя вести, девочки?

– Мы больше не будем, тетя-Надь, – забегала глазами по лицу Манька и кивнула мне: – Пойдем что покажу!

Я выскочила за порог. Манька поволокла меня за угол и протянула таинственный сверток.

– Вот! – сказала она торжествуя.

– Это что такое? – Я с подозрением сначала пощупала, а потом принялась к странному свертку – доверия своим видом он у меня не вызывал.

– Это подарок, – Манька с трудом скрывала свое ликование, – для него! Здорово я придумала?

– В смысле: для него? Для кого это – для него?

– Нарка, какая же ты недалекая! Для Олега. Ну, чего ждешь, разворачивай скорее!

Я осторожно развернула мятый «Советский спорт». Под ним обнаружился свернутый пухлым конвертом лист лопуха. Внутри лопуха лежал камень размером с большую картофелину сорта «Удача».

– Это что такое?

Манька бережно завернула картофель обратно в лопух.

– Мы же помогли твоей маме заворачивать в виноградные листья фарш на толму, помнишь?

Я помнила, конечно. Сначала мы напросились помогать маме, а потом подглядели в кухонное окно, как она выковыривает из кастрюли наши «шедевральные творения» и по новой заворачивает фарш в виноградные листья.

– Вот, – Манька посмотрела на меня торжествуя, – я уже практически хозяйка, и Олег должен об этом знать!

– И что он должен с этим камнем делать? Есть его? – Я никак не могла взять в толк, зачем Мане этот сверток.

– Глупышка. – Манька смерила меня снисходительным взглядом. – Зачем его есть? Хотя, – призадумалась она, – мало ли что едят люди, которые стоят на голове, может, они камнями питаются, я же не знаю. Вот выйду за него замуж, расскажу тебе, что да как. А сверток этот просто подарок – он полюбуется на мою искусств... искусст... искусствую стряпню и сразу влюбится в меня.

Был замечательный летний полдень. Солнце стояло уже высоко, но, как часто бывает в высокогорье, – совершенно не припекало. Воздух был звонким и чистым и невесомым, словно перышко. С каждым вдохом он наполнял легкие газированными пузырьками счастья – хотелось взлететь и бесконечно парить над землей.

Все и вся вокруг радостно тянулось навстречу погожему солнечному дню. Все и вся! Кроме Мани. Мане было не до банальных розовых соплей.

Маня вышла на тропу войны.

Когда мы уходили со двора, мама высунулась в окно:

– Куда это вы собрались, девочки? Скоро обедать.

– Мы быстренько!

Идти до тети-Светыного дома было всего ничего, минут семь размеренным шагом. Труднее всего было найти способ передать подарок Олегу так, чтобы этого не видела его жена. Потому что мы не горели желанием снова расстраиваться из-за ее красоты.

– Ничего, что-нибудь на месте придумаем, – подбадривала меня всю дорогу Манечка. Но скоро мы уже были на месте, а совместный мозговой штурм не давал результатов.

– Давай кинем подарок им во двор, – предложила я.

– Ага, а потом его найдет эта фифа Ася и решит, что он предназначался ей! Еще чего!

Маня была абсолютно права – нельзя допускать, чтобы символ ее бесспорного кулинарного таланта достался врагу. Кидать нужно было метко, и желательнее именно в Олега. Осталось дожидаться, чтобы он вышел во двор и какое-то время побыл недвижимой мишенью. Тогда мы успели бы прицелиться и метко запулить в него драгоценным свертком.

В томительном ожидании прошла вечность. Мы, затаив дыхание, ждали, когда же выйдет Олег. Из дома раздавались негромкие голоса, слышался перезвон посуды.

– Обедают, – протянула я, в животе предательски заурчало.

– Ага, – Манька громко сглотнула, – страсть как кушать хочется!

Мы прождали вторую вечность. Вторая вечность тянулась еще дольше, чем первая. Живот от голодного урчания ходил ходуном.

– Давай сосчитаем до ста, если к тому времени Олег не выйдет во двор, то мы сбегаете домой, поедим, а потом вернемся дожидаться его по новой, – не выдержала я.

– Давай, – согласилась Маня, – только, чур, не мухлевать!

Через минуту мы чуть не подрались – Маня говорила, что я считаю очень быстро и специально заглядываю окончания слов, и это нечестно, а я отвечала, что она чересчур медленно считает и растягивает слоги.

– Дура, – ругалась Маня, – что же ты так частишь? Не двцтьдв, а два-а-адцать два!

– Сама ты дура, – громкое урчание в животе заглушало мой злой шепот, – какая разница, как я называю цифры, главное, что я не сбиваюсь со счета!

Еще немного, и мы бы, наверное, покалечили друг друга муляжом толмы, но вдруг с той стороны забора раздался тоненький голосок:

– А я тоже умею считать!

Мы притихли и глянули в щель между досками забора. За нами с тети-Светыного двора следил большой голубой глаз. Потом глаз исчез, а в щель просунулся толстенький пальчик:

– Это раз!

Пальчик исчез, и через секунду в щель высунулись два пальца:

– Это два!

– Подожди! – Мы с Маней переглянулись. – Тебя как зовут?

– Меня зовут Арден, и мне скоро будет пять лет, – с готовностью отрапортовал голубой глаз.

– Как-как тебя зовут?

– Арден!

Мы крепко задумались.

– Может, аккордеон? – нерешительно предположила Маня.

– Ты скажи еще гобой, – рассердилась я. – Мальчик, выговори четко свое имя.

– Ар-ден, – в свою очередь рассердился глаз, – меня зовут Ар-ден.

Потом глаз исчез, и из щели между досками вылезла пухлая ладошка с растопыренными пальцами:

– А это пять, мне скоро будет столько лет, – миролюбиво продолжил он.

Меня осенило:

– Мань, а давай мы Ард... ему вручим подарок и скажем, чтобы он отнес его Олегу. Просто скажем, что это подарок для его папы.

– Это выход, – обрадовалась Маня и позвала мальчика: – Эй, мальчик, Арден!

– Меня зовут не Арден, а Арден! – обиделся мальчик.

– Ну я же и говорю: Арден, – изумилась Маня.

– Это неважно! – торопилась я. – Мальчик, а давай мы тебе передадим подарок для твоего папы?

– Давайте, – обрадовался мальчик.

– Только ты ему не говори, что подарок тебе две девочки передали, ладно?

– Ладно!

– Точно не скажешь?

– Точно. Давайте подарок!

Маня протянула руку поверх забора и вручила Ардену драгоценный сверток. Тот взял его: «Ого, тяжеленький», – выговорил и побежал к дому.

– Папааааааааа! – заорал он что есть мочи. – Тут две девочки тебе подарок передалиииииии!!!

– Какие девочки, что это у тебя в руках, Артемка? – раздался голос Олега.

– Бежим, – выпучилась Манька и рывком стартовала с места. Дорогу до нашего дома мы преодолели за считанные секунды, и, оказавшись каким-то чудом на финишной прямой рефери с секундомером, он бы зафиксировал новый мировой рекорд по бегу на короткие дистанции!

– Артем! – с трудом отдышалась я, заскочив одним прыжком на веранду нашего дома. – Его зовут Артем!

– Предатель он, а не Артем, – хваталась за бок Маня, – теперь Олег догадался, что это мы ему подарок передали!

– Ну так это же хорошо! – осенило меня. – Он ведь должен знать, кто так здорово умеет заворачивать толму.

– Ты думаешь? – Маня посмотрела на меня с благодарностью. – Нарка, ты прямо ГЕНИЙ, как я сама раньше не догадалась!

После обеда мы вышли прогуляться. Позавчерашний обильный и теплый дождь не прошел даром, и склоны нашего холма покрыл ковер из огромных алых высокогорных маков. Мы нарвали большой букет и с чувством исполненного долга вручили его маме.

– Ах, какая прелесть, – всплеснула она руками, – какая красота!

Мама была в длинном светлом сарафане, по плечам ее рассыпались пышные русые локоны, она держала в руках большой букет алых маков и улыбалась нам.

Мы невольно залюбовались ею.

– Теть-Надь, – выдохнула Маня, – я ведь, когда вырасту, буду на вас похожа, да?

– Ты будешь лучше, – мама погладила ее по щечке, – ты будешь настоящей красавицей!

– Да? – Маня вспотела от радости.

– Конечно! – засмеялась мама и пошла ставить цветы в вазу.

– А он-то знает, что я буду красавицей? – задумчиво протянула моя подруга.

Я пожала плечами. Откуда мне было знать, о чем думает Олег!

– Пойдем, что ли? – предложила я. – Посмотрим, что там у них во дворе происходит.

– Пойдем, – Маня благодарно глянула на меня. – Хорошо, что ты сама это сказала, а то мне уже неудобно было предлагать.

– Почему было неудобно? – удивилась я.

– Потому что я гордая, – вздохнула Маня.

Уже в трехстах метрах от тети-Светыного дома мы заметили красный флажок, торчащий из щели между досками забора. Топтались какое-то время на расстоянии, потом подошли взглянуть поближе. Это был совершенно обычный первомайский флажок на тоненьком деревянном древке. Мы в задумчивости постояли какое-то время над ним, потом ткнули пальцем. Флажок выпал наружу, и мы увидели завернутую в тугой рулончик бумажку, прикрепленную к его древку. Конечно же, первым делом подрались за право прочесть записку. Победила Маня, которая с душераздирающим криком: «Я его первая полюбила!» – вырвала у меня флажок. Она с замиранием сердца развернула бумажку.

«Зита и Гита! – гласила записка крупным размашистым почерком. – Подойдите к калитке и заберите то, что лежит под большим камнем слева. И не безобразничайте, все равно никто этого не оценит, потому что все ушли жарить шашлыки на природе».

Мы подошли к калитке, быстро вычислили камень и поддели его древком флажка – в стане врага нужно быть очень осторожным и не прикасаться к чему попало руками. Под камнем лежал маленький пакетик. Мы с замиранием сердца развернули его. В пакетике оказались четыре конфеты «Мишка на севере»!

– Видишь, какой он хороший, – с трудом вымолвила Маня, набив рот вкуснющим шоколадом.

– Угум! Ему явно понравился твой подарок!

– А давай мы еще чего ему подарим! – загорелась Маня.

– Давай, – обрадовалась я. Если за муляж толмы полагались по две шоколадные конфеты на одну девочку, то при продуманном подходе к делу нам могли отсыпать целый мешок шоколадных конфет!

И мы стали прикидывать, чем еще можно удивить Олега.

За короткий промежуток времени мы приволокли к заветному камню букет маков, десяток червивых желудей, горсть малины, большую, насквозь просохшую коровью лепешку, дырявое пластмассовое пятилитровое ведро, пустую пачку из-под вонючих сигарет «Арин-Берд». После недолгих раздумий к живописной куче подарков мы присовокупили какую-то ржавую железяку, назначение которой так и не смогли установить, дырявый резиновый мяч, большой полукруг чаги, выдранный с мясом со ствола бука, килограмм разнокалиберных камушков и целое семейство ядреных, вытянувшихся на радостях от дождя в полный рост мухоморов.

Возвращались мы домой в твердой уверенности, что при виде таких щедрых даров сердце Олега дрогнет, и участь Аси будет горькой!

Так закончился второй день любовного настроения моей Манюни.

Впереди был самый трудный и местами действительно печальный, последний день.

Глава 10

Манюня влюбилась, день последний, или Здравствуй, грусть

Третий день любовного настроения Манюни ознаменовался грандиозным выговором с самого раннего утра. Выговаривали, естественно, мне с Манюней.

– Девочки, я вас совсем не узнаю, – кипятилась мама, – как вы могли натаскать такое количество мусора к калитке тети Светы?! Людям больше нечем заниматься, как за вами мусор разгребать? А главное – зачем вы это вообще сделали?

– Это не мы, – соврала я.

– Надо бы тебе суровой ниткой рот зашить, чтобы ты больше не лгала, Наринэ! Соседи видели, как вы чуть ли не весь мусор с окрестных свалок волокли к тети-Светыному забору! Вы мне хотя бы можете объяснить причину своего неадекватного поведения?

– Это не неадык... неадыкват... что вы за слово сказали, тетя-Надь? – Манька мяла в руках свою панаму и виновато заглядывала маме в глаза.

– Неадекватное, то есть странное поведение. А как по-другому я могу назвать то, что вы сделали?

– Это не странное поведение, это я все придумала, – Манечка шагнула вперед и заслонила меня плечом. – Это я во всем виновата, тетя-Надь, вы меня ругайте, а не Нарку.

Мама действительно очень сердилась. Но когда Манечка заслонила собой меня – она не сдержалась и улыбнулась. Мы мигом заискивающе заулыбались ей в ответ. Мама спохватилась и вновь нахмурилась. Мы виновато сгорбились.

– Понимаете, тетя-Надь, – Манька нахлобучила на голову свою кособокую панаму и сильно потянула за поля – панاما надвинулась на самые брови, подмяв под себя ушки, – я же вам говорила, что мне понравился Олег. Вот я и подумала, что пара-другая простеньких подарков может заставить его влюбиться в меня.

Мама всплеснула руками.

– Мария, ты хоть понимаешь, что говоришь? Он взрослый человек, ему уже двадцать восемь лет, у него жена и пятилетний сын...

– Арден, – вставила я.

– Кто?

– Ну, он называет себя Арденом. Не умеет правильно свое имя выговорить.

– Да хоть тазик! – рассердилась мама. – Только разве речь об этом? Речь о том, что нельзя влюбляться в чужих мужей, это раз. И два – вы маленькие девочки, а маленьким девочкам в вашем возрасте положено читать книжки и играть в куклы, а не забивать голову всякой ерундой да хулиганить!

Манечка обиженно засопела.

– Да мы уже все книжки перечитали, которые привезли с собой, а в куклы пусть Сонечка играет, мы уже не маленькие, нам по одиннадцать лет. Это раз. А два – тетя-Надь, ну ведь эта Ася – такая выыыыдра, неужели вы этого не видите?!

– Мария, обзывать нехорошо, и тебе об этом не раз говорила Ба. – При упоминании Ба мы обе стали ниже ростом, зато мама гордо расправила крылья – ее слова получили дополнительную весомость. – Это раз. И два: коль уж ты такая большая девочка и не хочешь играть в куклы, тогда ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос: если бы влюбленный мальчик подарил тебе дырявое ведро, что бы ты сделала?

– Я бы надела ведро ему на голову!

– А с чего ты тогда взяла, что ваши «подарки» могли понравиться Олегу? А по моим сведениям, в этой куче мусора дырявое ведро было самым безобидным экземпляром!

Мы пристыженно молчали.

– Любимому человеку нужно дарить самое дорогое, что у тебя есть, понимаешь? – продолжала поучать мама. – Что это за любовь такая, когда ты объекту своего воздыхания преподносишь сухую коровью лепешку!

– Но она была очень большая и плоская, – хором стали оправдываться мы, – и вся насквозь кишела жучками. Такие коровьи лепешки он вряд ли мог видеть в Москве!

– Ну да, конечно, – хмыкнула мама, – он ее заберет с собой в столицу и будет всем встречным-поперечным хвастаться: посмотрите, какими большими лепешками какают армянские коровы! Все, девочки, разговор окончен, вы сегодня под домашним арестом, марш в детскую! У вас до завтрашнего утра будет достаточно времени, чтобы обдумать свое безобразное поведение.

Мы безропотно поплелись в спальню. По собственному опыту знали – спорить с мамой себе дороже, и, если упрямитесь, можно больно-пребольно получить по попе.

– Угораздило тебя влюбиться в этого Олега, – сокрушалась я, – теперь придется из-за него проторчать взаперти до завтрашнего утра.

– Сердцу не прикажешь, – тяжело вздохнула Маня, – так папа говорит, когда ругается с Ба из-за мамы. Я все думала, что он имеет в виду, а теперь поняла. Влюбиться можно хоть в кого угодно, потому что сердце само выбирает, кого любить. Идешь ты куда-то, в булочную например, а дорогу медленно переползает червяк. Тебе так и хочется на него наступить, а сердце ррррраз – и влюбляется. И все, до свидания, спокойная жизнь!

Мне стало страшно. Мало ли в кого вздумает влюбиться мое сумасбродное сердце? А если и впрямь в какое-нибудь животное? Вон у старьевщика дяди Славика есть осел, орет круглые сутки. Соседи ругаются, что он им спать не дает, а дяде Славикау жалко от него избавляться. «Это потому он орет, что тоскливо ему от старости», – оправдывается он перед соседями. А мало ли зачем этому ослу тоскливо? Может, ему любви не хватает, может, он меня дожидается? Пойду я мимо дома старьевщика, а мое жалостливое сердце увидит осла и сразу влюбится. И что тогда делать? Выходить за него замуж, что ли?

Я решительно помотала головой, чтобы отогнать тревожные мысли. Манечка, пригорюнившись, стояла у стола и перекладывала книги из одной стопки в другую.

– Понимаешь, я бы хотела, чтобы он жил с нами. Дружил с папой, научил его правильно стоять на голове. Он бы спал в дальней комнате, а я по вечерам играла бы ему на скрипке.

– А Ба? – испугалась я.

Маня посуровела лицом.

– Дааааа, с Ба договориться не получится. Она Олега мигом выставит за дверь, – Манюня чуть помолчала, а потом добавила мечтательно: – Вот если бы у него была шапка-невидимка!!!

Перед моим внутренним взором развернулась дивная картина: дядя Миша стоит на голове, Маня играет на скрипке, Олег сидит в шапке-невидимке, а за его спиной стоит Ба и целится в него из папиного охотничьего ружья. Я приснула.

– Нет, боюсь, при Ба все волшебные предметы будут терять свои свойства!

Манька покатила со смеху.

– Это даааа, – простонала она сквозь смех, – у Ба даже волшебные предметы не забалуют.

Потом мы какое-то время развлекались тем, что выглядывали в окно. С улицы доносились радостные голоса играющей в прятки детворы.

– Акали-бакали-чаварда-какали, – выкрикивала грузинскую считалочку моя сестра Каринка. Потом водящий стал громко считать, и мимо окна пулей пролетел маленький Артемка – он уже подружился со всеми детьми и с удовольствием носился с ними по всему дачному поселку. Мы проводили его долгим тоскливым взглядом – очень сложно сидеть дома взаперти, когда на улице светит солнышко и раздаются радостные голоса детворы!

– Придумала! Я знаю, что надо делать! – Подпрыгнула вдруг Маня. – Твоя мама сказала, что дарить нужно самое дорогое, что у человека есть, правильно? А самое дорогое, что у меня есть, – это мой амулет, – Маня хлопнула себя по груди, – вот его я Олегу и подарю.

– Ты с ума сошла? – испугалась я. – Ты хоть соображаешь, что Ба с тобой сделает, если узнает, что ты отдала свой амулет кому-то другому?

Я не зря беспокоилась. Амулет был единственной памятью Ба о ее родителях. Он представлял собой кулон в виде маленькой червонной ладошки с небольшим топазовым глазом по центру. Ба рассказывала, что он называется хамса. И что, когда родилась Манюня, Ба сняла цепочку с ладошкой со своей шеи и повесила в изголовье Маниной кровати. А когда моя подруга подросла, она стала носить амулет на шее. Он был старинным и очень дорогим. «В восемь папиных зарплат», – грозно предупредила Ба. Мне даже представить было страшно, что сделает она с Манюней, если та подарит амулет чужому человеку.

– Ты совсем спятила, – пыталась я воззвать к совести своей подруги. – Ты вообще подумай своей головой, что творишь!

– Ничего я не буду думать, – затопала Маня ногами. – Подарю, и все. Я так решила!

Она сняла с шеи цепочку с кулоном, распахнула окно и полезла на подоконник.

– Мань, если мама обнаружит, что мы ее ослушались, – она прибьет и тебя, и меня.

– Да я быстро! Бегом туда и обратно, управлюсь за несколько минут. Она и не заметит. А ты пока шуми в комнате, чтобы тетя-Надя подумала, что мы здесь играем.

– Нет уж, одну я тебя не отпущу! – Я полезла следом за Манечкой – не оставлять же невменяемую из-за большой любви подругу один на один с ее бедой!

Мы легко спрыгнули с подоконника и прислушались – кругом царил тишина. Детвора умчалась в другой конец улицы – оттуда раздавался дружный хохот, прерываемый грозным улюлюканьем Артемки: «Я вождь, вы все должны меня бояаяаяаться!!!»

Дорога была свободна. Мы прокрались вдоль забора и юркнули в калитку.

– Одна нога там – другая тут, – скомандовала я. Добежали до тети-Светыного дома мы в считанные минуты. Шумно ворвались во двор – не до конспирации было. И сразу же наткнулись на Олега и Асю – они стояли возле веранды и о чем-то оживленно разговаривали.

При виде нас Ася поморщилась, словно у нее резко разболелся зуб. Зато Олег расплылся в широкой улыбке.

– Бааарышни, здравствуйте, – шагнул он нам навстречу.

– Здравствуйте, – шмыгнула носом Маня, – мы тут по делу, то есть я. У нас совсем мало времени.

Она шагнула к Олегу и протянула ему амулет:

– Вот, – шепнула, – это вам, самое дорогое, что у меня есть.

И улыбнулась.

Вы можете мне не поверить, но в тот миг Манюня была самой красивой девочкой на свете. Она стояла с гордо выпрямленной спинкой и казалась уже совсем большой, и только легкая дрожь в сложенных лодочкой ладошках выдавала ее волнение.

Олег растерялся.

– Зачем ты это делаешь, девочка? – только и смог выговорить он.

И тут случилось непредвиденное – Ася наклонилась, якобы чтоб присмотреться к амулету, и неожиданно шлепнула Маню по ладошкам. Манечка испуганно дернула руками, и амулет улетел куда-то в кусты.

– Ася, что ты делаешь? – Олег схватил жену за локоть.

И тогда мы услышали слово, которое обожгло нас до самого до нашего сердца и вывернуло наизнанку наши души. Мы были совершенно не готовы к этому, мы и думать не могли, что ТАК могут назвать Манюню.

– Малолетняя потаскушка! – зло выплюнула Ася.

А дальше случилось ужасное.

Маню вывернуло. Посреди тети-Светыного двора, прямо возле кустов смородины.

Была у Манечки особенность, о которой знал только очень узкий круг близких, – в минуты крайнего напряжения Маню выворачивало наизнанку. Резко, до последней капли содержимого желудка. Притом случалось это тогда, когда Маню кто-то незаслуженно оскорблял или унижал. Мой папа говорил, что Манюня настоящая белая акула – учуяв в себе чужеродный крючок, моментально выплевывает все свои внутренности – предпочитает умереть, чем проглотить обиду.

Меня словно контузило. В ушах стоял пронзительный звон, и ничего, кроме этого звона, я не слышала. Я видела, как Маню выворачивало, как она, чтобы не упасть, согнулась пополам и уперлась руками в колени, как ходило ходуном ее тело. Помню, что сняла с головы свою панаму и протерла ею Манины губы. Помню, как Маня доверчиво подставила мне свое личико.

Помню, как Олег что-то сказал Асе, она в ответ шевелила побледневшими губами, но, как я ни силилась, ничего не могла разобрать из того, что она говорила. Он взял ее за плечи, а она резко вырвалась и пошла мимо Мани к забору. И почему-то, когда поравнялась с ней, резко подняла руку, то ли поугагать ее хотела, то ли ударить. И Маня вцепилась в эту руку и повисла на ней всем своим телом. А потом несколько раз лягнула Асю по ноге.

– Зеленый, – сказала я, насчитав четыре удара – я часто путала цвета и цифры, и четверка соответствовала зеленому. И когда я произнесла вслух слово «зеленый», звон в ушах стал нестерпимо бóльшим и внезапно оборвался на самой высокой ноте. И в тот же миг ко мне вернулись шорохи и звуки.

Я кинулась на ватных ногах к Мане, но Олег опередил меня. Он подхватил ее на руки и оттащил в сторону. «Иди в дом!» – крикнул жене. «Пошел в жопу», – бесстрастно ответила Ася и вышла со двора.

Олег отпустил Маню и побежал за женой.

Манечка проводила его пустым взглядом, подошла ко мне, взяла за руку.

– Пойдем, – сказала.

– Амулет, – напомнила я.

Мы быстро нашли ладошку – она лежала в траве и переливалась под солнцем голубым топазовым зрачком. Манечка бережно подняла цепочку и надела себе на шею.

И мы пошли со двора. Не оборачиваясь.

Маленьким девочкам иногда бывает очень больно на душе. Эта боль не идет ни в какое сравнение с болью физической. Эту боль не сопоставить ни с подзатыльником от дяди Миши, ни со шлепком по попе от мамы, ни с грозным окриком моего отца, ни с разрушительным наказанием разъяренной Ба. Эту внезапную боль, словно темную страшную жижу, нужно нести в себе тихо-тихо и под ноги обязательно смотреть, чтобы не оступиться. Потому что откуда-то ты знаешь – боль эту расплескивать нельзя. И ты бредешь слепым котеночком сквозь темноту, потом останавливаешься, прислушаешься к себе – болит? Болит, отзывается душа. И ты тихонечко идешь дальше.

Вот так мы и вернулись домой и ткнулись в колени маме.

И рассказали ей навзрыд все – как убежали в окно, как Маня решила подарить Олегу самое дорогое, что у нее есть, как потом ее выворачивало под смородиновым кустом и как я сказала громко: «Зеленый», – и звуки вернулись ко мне так же внезапно, как ушли.

А мама сначала молча нас выслушала, потом повела умываться, а потом достала с полки единственную баночку со сгущенным молоком, которую она берегла как зеницу ока для слоеного торта «Наполеон», открыла ее и выдала нам по большой столовой ложке. «Ешьте», – сказала. «Все?» – удивились мы. «Все!» – сказала мама. Но мы съели каждый по ложке и отодвинули баночку. «Так нечестно», – сказали.

А потом пришли тетя Света с Артемкой, принесли большую миску сладкой прозрачной смородины. И мы пили чай с яблочным пирогом и долго смеялись, потому что оказалось, что Артемка не умеет есть сидя – он ходил все время вокруг стола с ложкой во рту. «В меня так больше влезает», – приговаривал.

А поздно вечером они уехали, хотя планировали остаться до конца недели. И папа весь следующий день подтрунивал над Манькой и называл ее то Шамаханской царицей, то маленьким агрессором, потому что папа всю жизнь такой – он считает, что любая обида лечится только смехом.

И Манюнечка громко хохотала и благодарно заглядывала ему в глаза.

Вот, пожалуй, и вся история про Манину самую большую детскую любовь.

И давайте больше не будем о грустном, ладно?

Глава 11

Манюня разочаровывается в любви, или Одинокая песнь электрика

Вы только не подумайте, будто Олег был единственной Маниной детской любовью!

Потому что за долгие одиннадцать лет своей жизни Манюня влюблялась пять раз.

Первой Маниной любовью стал мальчик, который перевелся в их группу из другого садика. Мальчика звали Гариком, у него были круглые желтые глаза и рыжие кудри. Ритуальный полуденный сон Гарик упорно игнорировал. Он тихонечко лежал в своей кровати, выдергивал из пододеяльника нитки и долго, вдумчиво их жевал.

«Какой глупенький», – решила Манька и тотчас в него влюбилась. В знак своей любви она выдернула нитку из пододеяльника, скатала ее в комочек и принялась жевать. Нитка на вкус оказалась совсем пресной. «Фу», – поморщилась Манька.

– Она же совсем невкусная! – шепнула она Гарику.

– А мне вкусно, – ответил Гарик и выдернул новую нитку.

«Я его отучу от этой плохой привычки», – решила Манька.

К сожалению, Гарик через неделю вернулся в свой прежний садик, потому что новый ему категорически не понравился. А может, в старом нитки были вкуснее. Маня погоревала-погоревала, но потом ей это надоело, и она решила найти себе другой предмет для воздыханий. Она перебрала в уме все возможные кандидатуры и остановила свой выбор на воспитательнице Эльвире Сергеевне. Почему-то.

У Эльвиры Сергеевны была длинная пушистая коса и родинка на изгибе локтя.

– Хочу себе такую же, – потребовала Манька.

– Через десять лет у тебя на руке появится точно такая родинка, – пообещала Эльвира Сергеевна. «Теперь я буду любить ее вечно», – решила Манюня и принялась выказывать Эльвире Сергеевне знаки внимания, как-то: ходила за ней хвостиком и периодически, как заправский рыцарь, преподносила своей даме сердца золотые украшения, которые тайком таскала из шкапулки Ба. Эльвира Сергеевна честно возвращала все украшения и просила не наказывать Маньку.

В первый раз Ба великодушно простила внучку. Во второй раз она пригрозила оставить ее навсегда и на веки вечные без конфет. В третий раз терпение Ба лопнуло, и она таки нака-

зала Маню – оглушила подзатыльником и поставила в угол. Пока Манюня, уткнувшись лицом в стену, восстанавливала рефлексы, Ба немилосердно шинковала капусту и рассказывала истории про детей, которые родились честными, но потом стали воришками.

– И за это государство посадило детей в темную и холодную тюрьму, – заключила она.

– Их хотя бы кормили там? – обернулась к ней Манюня.

– Манной кашей, с утра и до вечера каждый день! – рявкнула Ба.

– Буэ, – поежилась моя подруга.

Потом Манька пошла в первый класс и влюбилась в мальчика из параллельного «Г». Звали мальчика Араратом, и отчаянно грассирующая Манька из кожи вон лезла, чтобы правильно произнести его имя. Впрочем, тщетно. Два «р» подряд были непосильной для Манюни задачей – она начинала булькать и тормозить уже на первом слоге. Правда, сдаваться не собиралась.

– Агхагхат, – приперла как-то к стенке своего возлюбленного Манюня, – а как тебя по отчеству зовут?

– Размикович, – побледнел Арарат.

– Издеваешься надо мной, что ли? – рассердилась Манька и ударила его по голове портфелем.

Так как за последние два дня это был третий удар портфелем по Араратовой голове, то учительнице ничего не оставалось, как вызвать в школу Ба.

Ба молча выслушала все претензии, вернулась домой, выкрутила Маньке ухо до победного хруста и повела к Арарату – извиняться. Не выпуская Манькиного уха из руки. Такого унижения Манюня Арарату не простила и мигом его разлюбила.

«Никогда больше не стану влюбляться в мальчиков!» – твердо решила она. Мужская половина начальных классов Бердской средней школы № 3 вздохнула с облегчением.

Когда Маня училась в третьем классе, по телевизору показали фильм «Приключения Электроника». И моя подруга не придумала ничего лучше, чем влюбиться в Николая Караченцова, который играл гангстера Урри.

– У него такая красивая щель между передними зубами, – закатывала глаза Манюня. Караченцов был практически недосягаем для Маниного портфеля, так что Ба особенно не возражала против ее нового увлечения. Манька вырезала из журнала «Советский экран» портреты Караченцова и обвешивала ими стены своей комнаты. Ба ворчала, но терпела, потому что лучше портрет Караченцова в спальне, чем покалеченный одноклассник в школе.

Любовь сошла на нет внезапно – Караченцов, без всяких на то причин, приснился Мане в ночном кошмаре. Он преследовал ее по пятам, скалился и трясся в таком ледящем душу хохоте, что Маня от испуга описалась в постели. В свои десять, практически предпенсионных, лет!

Естественно, она не смогла простить Караченцову такого предательства.

А потом Манюня поехала с нами на дачу и влюбилась в Олега. И чуть не довела его своими ухаживаниями до нервного тика. Ну, эту трагическую историю вы уже знаете. Когда и эта любовь закончилась разочарованием, моя подруга поставила жирный крест на мужчинах.

– Никогда, – поклялась она, – никогда я больше не полюблю мужчин. Нарка, ты свидетель!

– Ну и правильно, – одобрила решение подруги я, – зачем они вообще тебе дались?

Я знала, что говорила. К тому моменту у меня за плечами была своя личная драма, и я, как никто другой, понимала Маню.

Моей первой и пока единственной любовью стал старший брат моей одноклассницы Дианы. Брата звали Аликом, и он отлично играл в футбол.

– Он в кого-то влюблен? – как бы между прочим поинтересовалась я у Дианы.

– Да вроде нет.

«Будет моим», – решила я. И стала терпеливо ждать, когда Алик в меня влюбится. Ждала аж целых три дня, но ситуация не менялась – Алик с утра до ночи гонял в мяч и не обращал на меня никакого внимания. Тогда я решила взять инициативу в свои руки и сочинила поэму о своей любви к нему. Потом выдрала из маминого блокнота голубенький листок и старательно переписала туда свое творение.

ПАЭМА

Алик, ты можит спросишь
Кто автор этих строк!!!
Но это ананим, и ты о ней не узнаешь
Ни-каг-да!
И ни-че-во!
Кроме тово, что я тебя люблю
И жьть биз тебя нимагу.

Наринэ Абгарян, 2 «А» класс Бердской ср. шк. № 2

Запечатала поэму в конверт и вручила его Диане с просьбой передать Алику. Ответ не заставил себя долго ждать. На следующий день, пряча от меня глаза, Дианка со словами: «Нашла в кого влюбляться!» – вернула мне конверт. Я вытащила помятый голубенький листок. Это оказалась моя записка. На обратной стороне Алик написал очень лаконичную ответную поэму.

ДУРА

Я повертела в руках записку и убрала ее в кармашек школьного фартука. Кое-как досидела до конца уроков, вернулась домой и, не переодеваясь, прямо в школьной форме, со значком октябрёнка на груди, легла умирать.

Умирала я долго, целых двадцать минут, и практически уже была одной ногой на том свете, когда с работы вернулась мама. Она заглянула в спальню и увидела мой хладный полутруп.

– А что это ты в одежде легла в постель? – спросила она и пощупала мой лоб.

– Умирать легла, – буркнула я и, вытащив из кармана записку, отдала ей.

Мама прочла поэму. Закрыла лицо ладонями. И затряслась всем телом.

«Плачет», – удовлетворенно подумала я.

Потом мама отняла от лица ладони, и я увидела, что глаза у нее хоть и мокрые, но веселые.

– Мам, ты чего, смеялась? – обиделась я.

– Ну что ты, – ответила мама, – давай я тебе кое-что расскажу, ладно?

Она села на краешек кровати, взяла меня за руку и стала терпеливо объяснять, что мне пока рано влюбляться, что всё у меня впереди, и таких Аликов у меня в жизни будет еще много.

– Сколько много? – живо поинтересовалась я.

– О-го-го сколько, – ответила мама и поцеловала меня в лоб, – вставай.

– Нет! – Я твердо решила умереть.

– Ладно, как хочешь, – дернула мама плечом, – только я купила бисквит, твой любимый, с арахисом, и козинаки взяла.

– Сколько взяла? – приоткрыла я один глаз.

– Чего?

– Того и другого.

– Три килограмма бисквита и два килограмма козинаков.

– Ладно, – вздохнула я, – пойду поем, а потом вернусь обратно умирать.

Умереть мне в тот день так и не удалось, потому что сначала я ела бисквит, потом мы с Каринкой смотрели «Ну, погоди!», потом подрались, и мама выставила нас на балкон, чтобы

мы подумали над своим поведением. Потом мы подрались на балконе, и мама затащила нас в квартиру и развела по разным комнатам, чтобы мы еще раз подумали над своим поведением.

Мы сразу же соскучились друг по другу и до передачи «Спокойной ночи, малыши» перестукивались через стенку и орали друг другу песни в розетку. А после передачи легли спать, и тут мне уже точно было не до умирания, потому что надо было успеть заснуть до того, как сестра начнет храпеть.

На том и закончилась моя первая любовь.

Потом я познакомилась с Манькой и мне стало как-то недосуг влюбляться. Сразу появилось много интересных дел. Мы с утра до ночи бегали по дворам, наедались до отвала алычи, купались в речке, воровали незрелый виноград, штурмом брали кинозалы для просмотра очередного шедевра индийского синемаатографа и доводили до белого каления Ба. О мальчиках не могло быть и речи, мальчики отошли на второй план и ничего, кроме жалостливого недоумения, у нас не вызывали.

Да и как можно было отвлекаться на любовь, когда жизнь в нашем городке была ключом, и одно удивительное событие сменяло другое?

Взять хотя бы историю, которая приключилась с нашим соседом по лестничной площадке дядей Арамом.

Дядя Арам был учителем черчения, но почему-то работал электриком. И, как водится в кругу уважающих себя электриков, полез в грозу чинить столб высоковольтных линий. За пять минут, в течение которых он находился наверху, в столб два раза ударила молния. Один раз – в его основание. «Молния не бьет два раза в одно место», – вспомнил народную мудрость дядя Арам и невозмутимо продолжил ковыряться в проводах. Но, видимо, в тот злополучный день вожжа попала молнии под хвост, потому что она, тщательно прицелившись, таки попала в дядю Арама. Аккурат в загревочек, как потом сказала Ба.

Бедного электрика отшвырнуло чуть ли не в другой конец планеты, но сослуживцы быстро его нашли. Дядя Арам, почерневший от чудовищного заряда электричества, аккуратно лежал на земле, местами дымился и пах пережаренными котлетами.

И, что самое удивительное, – дышал.

В тот же день из Еревана прилетел вертолет, чтобы срочно перевезти его в лучшую клинику республики.

Дочка дяди Арама, Анжела, в одночасье стала девочкой номер один нашего двора.

– Ну как там папа, Анжелка? – выпрашивали мы.

– Дышит, – важно отвечала Анжела.

– А что еще делает?

– Говорят – пахнет шашлыком.

– Ого, – уважительно тарасились мы, – а еще?

– Больше ничего пока не делает. И это, – замялась Анжела, – у него на теле все волосы выгорели – брови, ресницы. Даже на груди ничего не осталось.

– И на ногах?

– И на ногах, – вздохнула Анжела и вдруг расплакалась, – он лежит в отдельной палате, и к нему никого не пускают!

Нам стало жалко Анжелку. Мы обступили ее со всех сторон и стали гладить по волосам. Так как нас было много, а голова у Анжелки была одна, то мы чуть не подрались за право погладить ее.

На следующий день повторялась та же ситуация. Мы снова выпрашивали, как дела у дяди Арама, потом Анжела плакала, и мы ее гладили по волосам.

А однажды Анжела вышла на улицу крепко задумчивая, привычно подставила нам свою голову и шепотом сообщила:

– Папа очнулся!

– И чего? – вылупились мы.

– И стал говорить, что он больше не будет электриком работать.

– Это как это? – не поверили мы своим ушам.

– Сказал, что с него достаточно одной молнии. И что он не хочет больше Бога гневить.

– Аааааа, оооооооо, – застонали мы.

Слухи в нашем городе распространялись с какой-то молниеносной скоростью. Не успела Анжелка рассказать нам последние новости о своем отце, как на другом конце города люди уже уверяли друг друга, что у электрика Арама открылся третий глаз, что он этим глазом исцеляет любую хворь, видит будущее и ведет прямые переговоры с Богом на разные актуальные для мироздания темы.

Когда дядя Арам выписался из клиники и рейсовым автобусом вернулся домой, то встречать его на автовокзал пришла большая толпа.

– Арам, а правда, что молния бьет очень больно? – выкрикивали люди.

Дядя Арам боязливо выглядывал из-за спины водителя «Икаруса» и искал глазами в толпе жену.

– Арам, я здесь, – всхлипнула тоненько Рипсима.

– Пропустите человека к жене! – рявкнул водитель автобуса и ринулся прокладывать грудью дорогу.

– Арам! – причитала Рипсима.

– Рипсима! – жаловался дядя Арам.

Толпа терпеливо ждала, пока дядя Арам обнимет свою жену.

– Ну поцелуй ее, чего стесняешься? – подбадривали люди дядю Арама. – Мужик ты или не мужик?

Когда дядя Арам смущенно клюнул в щеку свою Рипсима, толпа решила, что все церемонии соблюдены, и снова обступила дядю Арама.

– Мне бы домой, – шепнул дядя Арам.

– На нашем глазу⁴, – заверили люди, подхватили его под руки и повели домой, не переставая сыпать вопросами. Спрашивали, есть ли на самом деле Бог, и если да, то что делать с партийными билетами, лечит ли теперь Арам педикулез и существует ли разум на других планетах.

Дядя Арам морщился, как от зубной боли, и молчал.

– Я здесь, Арам, – гладила его по руке Рипсима.

Когда поздно ночью толпа, наконец, разошлась по домам, дядя Арам обнял одной рукой свою Рипсима, другой прижал к себе Анжелку и сказал:

– Надо отсюда переезжать.

– Куда? – заплакала Рипсима.

– Поедем во Владикавказ, к твоей сестре. А то я этого не вынесу.

Целый месяц, пока шла подготовка к переезду, в нашем подъезде дежурила очередь из впечатлительных женщин, угрюмых мужчин и словоохотливых старух.

Дядя Арам прятался по родственникам и не ночевал дома.

– Скажите Араму, – обрывали телефоны родственников люди, – тут приехал человек из города Капана. У него жена на третьем месяце беременности. Пусть Арам подскажет, кто родится: мальчик или девочка?

– Не знаю, – мотал головой дядя Арам.

– Он говорит, что с пятидесятипроцентной уверенностью будет мальчик, – передавали в трубку родственники.

⁴ Дословный перевод армянской фразы, которая по-русски означает «конечно, не вопрос».

– Мальчик родится! – раздавался на том конце провода вопль радости. – Спасибо, Арам, они его назовут в твою честь!

– Я этого не вынесу, – качал головой дядя Арам.

– Не волнуйся, я с тобой, – шептала ему верная Рипсиме.

Анжела ходила по двору насквозь заплаканная.

– Не хочу уезжать, – говорила она.

– Мы тебе будем писать, – гладили мы ее по голове.

Потом они переехали. В день отъезда дядя Арам пробился через толпу провожающих к нам домой, пожал папе руку.

– Юра, отправь летом Надю в санаторий, она скоро будет желудком маяться, – сказал он папе на прощание, – и не переживай, будет у тебя сын. На твоё сорокалетие.

– Да ну тебя, – махнул рукой отец, – о сыне я уже не мечтаю.

– Ну-ну, – улыбнулся дядя Арам, – а Надю обязательно отправляй на лечение, ладно?

– Ладно, – обещал папа.

– И, это, я тебя умоляю, не называй сына в мою честь! – засмеялся напоследок дядя Арам.

Глава 12

Манюня едет на концерт, или Как можно заставить гневаться Бетховена

– Белый верх, темный низ, форма парадная! – Метался по коридорам музыкальной школы обезумевший от волнения хормейстер Серго Михайлович. – Девочкам обязательно повязать пышные белые банты, колготки тоже белые. Туфли черные!

Волнение Серго Михайловича легко объяснялось – завтра должно было состояться выступление учеников музыкальной школы города Берда в доме культуры села Мовсес. Выступление было приурочено к торжественной дате – пятидесятилетию формирования колхоза «Заветы Ильича», самого передового в нашем районе. Публика предполагалась соответствующая – исключительно труженики серпа и молотилки, а также члены их семей.

– Приедет делегация из соседнего Красносельского района, – Серго Михайлович заикался от волнения – Красносельский район Армении, издавна населенный ссыльными молоканами, славился на всю республику рекордными урожаями свеклы и кормовой репы. – А также предполагается присутствие ответственных товарищей из Еревана и Тбилиси и... – Серго Михайлович перешел на благоговейный шепот и махнул рукой куда-то в сторону иранской границы, – ...Ставропольского края РСФСР!

Если бы Серго Михайловичу сообщили, что послушать выступление учеников нашей школы прилетают жители далекой галактики Альфа Центавра, то волнения, поверьте, было бы меньше. Одно дело представители инопланетных, чуждых нашей партии и правительству идеологий, другое дело – пятидесятилетие самого передового на весь район колхоза «Заветы Ильича»!

– Завтра с утра никто не пойдет в школу, мы обзвоним ваших директоров и представим им список учеников, которые по уважительной причине будут отсутствовать на занятиях! – Наш дружный радостный рев заглушил на минуту голос Серго Михайловича, но хормейстер был стреляным воробьем – одним взмахом невидимой дирижерской палочки он заставил крик захлебнуться в наших глотках. – С девяти утра и до часу дня мы репетируем в школе, потом все расходятся пообедать и переодеться! В три часа собираемся возле входа, там нас будет ждать автобус. Начало праздничного концерта – ровно в шесть! Опаздывать нельзя!

Еще бы опаздывать нельзя! На восемь часов вечера, в честь прибытия высоких гостей из соседних районов и республик, намечался торжественный банкет, который по доисторической,

неукоснительно и по пунктам выполняемой кавказской традиции предполагал убийственное чревоугодие, сдобренное огромными количествами доморощенного алкоголя. Банкет потом плавно перетекал в завтрак, и очумевшие гости внезапно обнаруживали себя за поеданием порции горячего, пахнущего ядреным чесноком хаша со стопочкой холодной, звенящей на воздухе домашней араки. Далее бездыханные тела гостей загружали в автобусы или служебные автомобили и раскидывали по пунктам назначения.

На следующий день, ровно в пятнадцать ноль-ноль, мы с Маней, простирнутые и отутюженные до крахмального скрипа, вошли во двор нашей музыкальной школы.

Первое, что бросилось нам в глаза, был заляпанный по самые брови грузовик «ГАЗ-63» в деревометаллическом и чуть ли не нэповском исполнении. Он раскорячился напротив входа в школу и всем своим видом гордо свидетельствовал о самом непосредственном своем участии в защите Киевской Руси от печенежских набегов.

Рядом с грузовиком волновалась стайка наших ребят в одинаковых белых сорочках и темных брюках. Чуть поодаль трепетали девочки с белыми пышными бантами в волосах.

У капота грузовика, при полном параде, в бархатном пиджаке и кружевном жабо, безутешно рыдал хормейстер Серго Михайлович. По левую руку от него kloкотала в праведном гневе аккомпаниатор Инесса Павловна. Нам с Маней сразу стало ясно – происходит что-то из ряда вон выходящее.

Рядом с грузовиком виновато переминался с ноги на ногу кургузый худющий мужичок и периодически встревал во вселенский плач Серго Михайловича:

– А я-то при чем, мне сказали – загрузить и довести до пункта назначения, я и приехал... Ты пойми, автобус сломался, чинить его будут, скорее всего, целую вечность, другого свободного автобуса нет... Я шофер опытный, кого только не перевозил – и племенных бычков, и беременных коров, и свиней, а однажды мне доверили чистокровного коня ахалтекинской породы, ты хоть знаешь, сколько они стоят?

Серго Михайлович оторвался от капота и смерил водителя уничтожающим взглядом.

– Объясните мне, при чем здесь племенные бычки или беременные коровы?! – крикнул он. – Это дети, вы понимаете? Де-ти!!! Как я могу позволить перевозить их на таком... – хормейстер запнулся, – драндулете?

– Зачем обзываешься? – заволновался бывший перевозчик чистокровного коня ахалтекинской породы. – Это же ласточка, а не машина. Ее как списали за физический износ с военного полигона – так она и служит нам верой и правдой двадцать лет. Ни разу не подвела!

– Вас как зовут? – В голосе Серго Михайловича зазвучала такая надежда, словно, назови сейчас водитель грузовика свое имя, и чудо-агрегат из тыквы превратится в изящную карету.

– Анушаван меня зовут, – галантно представился мужичок, – можно Анушаван Наполеонович!

– Как-как? – У Серго Михайловича задергалось веко. – Как, вы говорите, вас зовут?

Водитель грузовичка нервно покосился на глаз Серго Михайловича, потом спешно отвел взгляд в сторону кружевного жабо.

– Наполеонович я, – пробубнил он, – можешь меня просто Анушаваном звать. Главное – ты не сомневайся, я шофер опытный, довезу вас с песней!

– С какой песней?! – Серго Михайлович в поисках поддержки повернулся дергающимся веком к Инессе Павловне. – Это будет не песня, это будет реквием! Там все заляпано по самую крышу! И как я могу позволить, чтобы на таком грузовике перевозили этих музыкальных детей? – Перст Серго Михайловича вперился в нас – мы в знак солидарности мигом слились в единый, празднично одетый многоглазый организм. – Две скрипки! – выкрикивал Серго Михайлович свои аргументы. – Альт, два канона, гитара! Два доола, один дудук! Две флейты! Пюпитры! Нотные книги! Тридцать восемь детей из интеллигентных семей!

Инесса Павловна заламывала свои прекрасные тонкие руки в многочисленных серебряных браслетах – нет, не затем она выросла в кружевном тбилисском Авлабаре, чтобы развезать на грузовике для перевозки скота.

– Серго Михайлович, – высунулась из окна секретарша музыкальной школы, – я дозволилась, мне сказали, что ни одной свободной машины нет, придется ехать на грузовике. Если вы прямо сейчас не двинетесь, то к шести часам точно не успеете.

Выхода не было. Мы сложили в кузов музыкальные инструменты в футлярах, нотные книги, пюпитры. Пол там и сям был завален засохшей травой и листьями от кукурузных початков, лохмотьями мешковины, плохо прочищенными следами коровьих лепешек и другим полезным в сельском хозяйстве добром. Борта кузова ходили ходуном и всячески топорщились шляпками больших гвоздей – видно было, что не одно поколение неунывающих водителей пыталось собственноручно привести в порядок полусгнившее деревянное нутро машины.

– Ребята, крепко держимся за борт грузовика, но не облакачиваемся, одежда белая, испачкаете! – выкрикивал хормейстер, подсаживая каждого ребенка в кузов. Сам залез последним и проследил, чтобы Анушаван Наполеонович тщательно закрепил задний борт грузовика.

Инессе Павловне галантно уступили место рядом с водителем.

– Вуй ме, – покрылась мурашками Инесса Павловна при виде внутренностей кабинки, когда водитель услужливо распахнул перед ней дверцу, – вуй ме, это явно не Авлабар!

Анушаван Наполеонович заметно волновался от аппетитных округлостей нашей аккомпаниаторши, нежный перезвон ее многочисленных серебряных браслетов вызывал в нем непознанный доселе эротический угар.

– Домчу как ласточку, – шаркнул он ножкой в раздолбанном башмаке.

Мы в ужасе жались по периметру борта грузовика. Сесть было некуда. В довершение ко всему оказалось, что металлические части кузова проржавели насквозь, а каждый уважающий себя ребенок из замученной дефицитом советской семьи четко помнил – ржавчину с одежды не извести ничем. Если только атомным взрывом. Вместе с одеждой. Поэтому, хоть все и вцепились в борта грузовика, но старались держаться от них на расстоянии вытянутых рук.

– Анушаван Наполеонович! – крикнул Серго Михайлович. – У нас ровно два часа до начала концерта! Нам нужно успеть доехать, привести себя в порядок да подготовиться к выступлению.

– Мамоу клянусь! – заверил Анушаван Наполеонович.

Он сел в кабину и боковым зрением выхватил аппетитные коленки Инессы Павловны, смущенно выглядывающие из-под узкой обтягивающей юбки. Мужское начало ян ударило Анушавану Наполеоновичу в голову и в остальные части тела. Из далеких уголков подсознания всплыли звуки доисторической охоты, когда влюбленный мужчина ходил с голыми руками на всякую крупногабаритную тварь, дабы преподнести любимой женщине на ужин кусок диетической мамонятины или какой другой первобытной курятины.

– Ласточкой домчу! – зарычал Анушаван Наполеонович и завел мотор. Раздался оглушительный взрыв, грузовик, выпукав какое-то количество топливных низкооктановых миазмов, рванул с места.

Трепетный «вуй ме» Инессы Павловны затонул в нашем дружном «аааааааааааааа!».

Если по городу машина проехала еще более или менее прилично, и нам лишь приходилось со стыдом отворачиваться от испуганных взглядов прохожих, то на серпантине проселочной дороги она показала все свои таланты. Грузовик трясло так, словно неведомая центробежная сила рвала его на мелкие части. На поворотах его заносило сильно вбок, и вся наша ватага отскакивала теннисным мячиком от одного борта кузова к другому. Никто уже не думал о ржавых пятнах на одежде – главное было не упасть и вовремя увернуться от очередной ветки раскинувшегося прямо над проезжей частью дороги дерева.

– АнушаваАаАаАаАаАаАн! – заклацал зубами Серго Михайлович – праздничное ширококалиберное кружевное жабо застилало ему лицо и забивало рот. – АнушаваАаАаАаАаАаАн, осторожнеееееее на поворотАаАаАаАаАх!!!

Механическое чудище заскрежетало, встало на короткий миг на дыбы и ринулось рассыпаться на куски с удвоенной силой. Из его недр вырывался вопль: «Мамой клянусь», – это Анушаван Наполеонович, решив, что Серго Михайлович подгоняет его, прибавил газу.

Когда грузовик, дребезжа всеми металлическими частями своей израненной души, въехал во двор дома культуры села Мовсес, пред взором встречающих развернулась дивная картина – из кузова, как из рога изобилия, посыпалась кучка больных синдромом Паркинсона чумазных детей во главе с полубезумным мужчиной в кургузом пинжачке и заляпанном кружевном жабо. Из кабинки выпала женщина с застывшей гримасой бесконечного ужаса на лице. От нее исходил дивный аромат парфюмерной симфонии, включающей в себя бодрящие аккорды машинного масла, бензина, провонявших ботинок и папирос «Беломорканал».

– Я же говорил, что домчу с песней! – Водитель грузовика с трудом сдерживал ликование.

– Спасибо, Анушаван Наполеонович, – выплюнул наконец кружевное жабо изо рта Серго Михайлович, – что бы мы без вас делали!

К сожалению, поездка на колхозном грузовике оказалась не единственным сюрпризом, уготованным нам баловницей-судьбой.

Накануне в Дом культуры села Мовсес был делегирован штатный настройщик музыкальной школы Эдуард Миронович. По приезде он позвонил Серго Михайловичу и мрачно сообщил, что рояль дома культуры находится в таком состоянии, что его можно прямо сейчас распиливать на небольшой костер.

– Сделай что-нибудь! – клокотал хормейстер в трубку так, что слышно было на всю округу. – Эдуард Миронович, вся надежда на тебя!!!

Эдуард Миронович буркнул, что он не Бог, но постарается что-нибудь придумать, и отключился.

Мы ехали в твердой уверенности, что рояль хотя бы частично настроен.

По приезде оказалось, что председатель колхоза «Заветы Ильича» со словами: «Ты сначала поешь, а уж потом поработай», – и, руководствуясь исключительно доисторическими кавказскими традициями гостеприимства, пригласил Эдуарда Мироновича к себе на обед.

Обед плавно перетек в ужин, и настройщик, потеряв всякий над собой контроль, решил сыграть с судьбой в русскую рулетку и испытать на себе все прелести клинической смерти. Засим он без меры накушался домашней семидесятиградусной нефильтрованной тутовой водки. Поэтому он сейчас, хоть и реагировал на внешние раздражители, моргал и даже периодически выдыхал, но двинуться с места был категорически не в состоянии.

Серго Михайлович какое-то время простоял, словно громом пораженный, а потом махнул рукой – у него даже на банальное возмущение не осталось сил, свои эмоции без остатка он уже выплеснул в кузове грузовика «ГАЗ-63» по всему протяжению тридцатикилометрового маршрута Берд – Мовсес.

Концерт мне запомнился двумя эпизодами.

Эпизод первый

Манюня стоит на сцене и увлеченно терзает скрипку. Я наблюдаю за ней из-за пыльного занавеса. Моя подруга выглядит так, словно ее, не отстирывая, долгое время сушили в автоклаве. Местами ее банты и даже сорочка сохранили еще свою девственную белизну. А в целом она была сильно мятая и заляпанная, и на коленках и щиколотках у нее гармошкой сложились колготки.

Эпизод второй

Помню, как я сижу за ненастроенным роялем и тщетно пытаюсь вытянуть из него звуки, отдаленно напоминающие пьесу Бетховена «К Элизе». Играю по памяти, потому что знаю произведение наизусть, и, разбуди меня в три часа ночи, я без запинки, с закрытыми глазами, продолжу его с любого места.

Неожиданно я спотыкаюсь о какой-то аккорд – и холодею, потому что понимаю, что концовка пьесы вылетела из головы. Наступает звенящая тишина, в зале раздаётся недоуменное шушуканье, и, чтобы как-то его заглушить, я начинаю наигрывать пьесу с самого начала. «Уж в этот-то раз концовка точно всплывет в памяти», – лихорадочно соображаю я. Но в опасной близости от рокового аккорда я с ужасом понимаю, что часть «К Элизе» забыта напрочь. Времени на раздумья нет, и я, ничтоже сумняшеся, стартую в третий раз!

Из-за кулис до меня долетает сдавленный шепот Инессы Павловны:

– Нариночка, деточка, закругляйся!

Да я бы сама с радостью, только бы знать, как это сделать!!!

Если бы не наш отважный хормейстер, то я, наверное, играла бы, не останавливаясь, до следующего юбилея колхоза «Заветы Ильича». Но на восьмом витке, когда Бетховен уже вдоволь нагневался в своей могиле, из-за занавеса выскочил Серго Михайлович, решительным шагом направился ко мне, отодрал мои лапки от клавиатуры и сдал на руки Инессе Павловне. «Вуй ме, – причитала Инесса Павловна, – ребенка окончательно растрясло в кузове!!!»

Есть у меня маленькая надежда, что гости из союзных республик, ошеломленные разрушительным, уходящим корнями в далекое доисторье кавказским гостеприимством, обнаружив себя через какое-то время под капельницами в родных пенатах, ничего, кроме оглушительного застолья, не запомнили. И мое позорное выступление осталось в памяти только у выпускников нашей школы.

Правда, теперь и вы об этом знаете. Только вы ведь никому не проболтаетесь, верно?

Глава 13

Манюня фонтанирует идеями, или Как Ба устроила нам незабываемую премьеру «Господибожемой»

Ба принципиально не доверяла отечественной легкой промышленности и особенно – ее текстильной отрасли. Ба раздражали монументальные псевдоатласные лифчики, возвышающиеся над прилавками живописными горными хребтами и навсегда убивающие у подрастающего поколения представление о женской сексуальности, коричневые безобразные хлопчатобумажные чулки, байковые халаты и торчащие колом пальто из зубодробительного драпа. Ба любила пройтись мимо вешалок с растянутыми свитерами и демонстративно возмутиться на весь магазин: «Товарищи, что творится, куда ни глянь – одна говновязка!!!»

Дядя Миша считал, что в Ба погибла великая актриса, и иногда смешно передразнивал ее, когда мы возвращались домой после очередного похода в наш убогий городской универмаг. Но порой Ба выкидывала такие фортели, что даже флегматичный дядя Миша выходил из себя.

– Объясни мне, пожалуйста, – ругался он, – зачем тебе надо было становиться в первую балетную позицию и вещать на весь магазин о том, что на таких чулках должны повеситься члены политбюро? Ты забыла, в какой стране живешь? Из-за твоих выходов приходится жить с постоянно подобранным сфинктером ануса, потому что чуть расслабился – и ты уже не мужик!

Ба упирала руки в боки и хмыкала так, что от резонанса дребезжали стекла в окнах по всему дому.

– Сына, все никак не успокоишься после целебной клизмы с раствором ромашки, которую так я тебе поставила?

– Роза Иосифовна! – Если дядя Миша называл Ба по имени-отчеству, это означало, что его раздражение достигло верхней точки кипения. – Вот не надо сейчас ля-ля про то, чего не было, особенно при детях!

– Ой-ой! – Ба вытаскивала из кармана огромный мужской носовой платок и демонстративно протирала им лицо. – Сына, можно подумать, не этими руками я подмывала твою каку каждый раз, как ты пачкал свои пеленки! И я таки напомню тебе, что пачкал ты их с такой прытью, словно вся тьма египетская сгустилась в твоих кишках!

Мы с Маней старались в такие минуты испаряться из комнаты. Во-первых, банально срабатывал инстинкт самосохранения, а во-вторых, нас тревожило словосочетание «сфинктер

ануса». Мы потом долго гадали, что это такое страшное может быть, из-за чего дядя Миша может в одночасье перестать быть мужчиной.

– Письку ему, что ли, отрежут? – сокрушались мы. – Как же он тогда писать-то будет?

Поход в универмаг оборачивался скандалом не только для дяди Миши. На фирменный скандал от Ба могли напороться все сотрудники универмага, начиная с продавцов и заканчивая директором, если, конечно, он по какой-то нелепой случайности в этот тревожный для его трудового стажа день находился на работе.

Ба требовала к себе особенного отношения. И чтобы добиться этого, разыгрывала в универмаге целый спектакль. Сначала она методично обходила полки с товаром, тыкала пальцем в тот или иной шедевр отечественной легкой промышленности и демонстративно громко хохотала. Параллельно зорким взором она выискивала среди покупателей сочувствующих товарищей. Сочувствующие товарищи, в предвкушении зрелищ, сбивались в благодарную публику и подобострастно трепетали.

Далее Ба заканчивала с маневрами и приступала к военным действиям. Первым делом, заручившись одобрителем гулом преданной публики, она принималась третировать несчастных продавщиц.

– Небось сами из-под полы торгуете болгарскими полотенцами с вышивкой, а на прилавках шаром покати! – насканивала на них она. Продавщицы трепетали, разводили руками и кивали в сторону кабинета товароведа – вон где, мол, скрывается основной источник ваших бед. Ба, получив таким образом добро на дальнейшие действия, устремлялась к кабинету товароведа.

Товаровед тире бухгалтер универмага представлял из себя весьма жалкое зрелище – это был истерзанный и бесконечно несчастный лупоглазый мужичок, жертва сварливой, как Ба, тещи. Поэтому он, ничего не предпринимая, беззвучно вздыхал в ожидании своей горькой участи за огромными завалами папок по бухгалтерской отчетности. Нарастающие децибелы голоса Розы Иосифовны, эти неумолимые всадники Апокалипсиса, давно уже докатились до его кабинета и предрекали неминуемое явление самого Апокалипсиса в обличье Ба.

Когда Ба вторгалась в кабинет, товаровед, истерично дергая кадыком, выползал из своего укрытия. В качестве отступных он тряс перед собой, словно белым флагом, связкой ключей от склада. Ба, еще раз оглушительно хмыкнув для окончательного подавления его воли, пропустила его вперед и конвоировала к заветным, недоступным среднестатистическому советскому гражданину, помещениям.

Через какое-то время она торжественно выплывала к нам и победно несла в руках что-то заграничное, красивое и бесспорно качественное. Следом выползал несчастный товаровед. У товароведа выражение тела было такое, будто он несет за пазухой голодного ядовитого тайпана. Для вашего сведения – сила яда тайпана такова, что одним укусом он может убить сто взрослых людей!!! Если взять во внимание еще и Ба, торжественно шествующую рядом с товароведом, то смело можно утверждать, что двести человек в радиусе одного прыжка были на волоске от долгой и мучительной агонии!

Таким отчаянным методом Ба в эпоху жесточайшего советского дефицита добывала более или менее сносную одежду для всей своей семьи. Иногда, кстати, кое-что перепало и моим родным. Был случай, когда Ба выдержала бой с самим директором универмага и ушла от него с тремя парами югославских кожаных сапог. Потом в них щеголяли моя мама и папина сестра Зоя, а третья пара улетела в Новороссийск, к дочке приснопамятной Фаи, которая Жмайлик.

Хуже обстояли дела с постельными принадлежностями и бельем. И так как неоднократные хождения по складам укрепили Ба в мысли, что перьев со всех голубоватых членистоногих советских кур хватает только на перины для партийной верхушки, то ничего другого, как самой шить одеяла и матрасы, ей не оставалось.

Для шитья одеял и матрасов закупалась овечья шерсть. Самым легким в этом деле была покупка шерсти. Далее начинались семь кругов ада. Эту кошмарную, невероятно грязную шерсть сначала нужно было очистить от мусора и репейных шишек. Далее ее тщательно промывали в пяти водах. Потом во дворе, на самом солнцепеке, стелились большие клеенки, и на эти клеенки выкладывалась мокрая шерсть. При этом ее в течение дня нужно было обязательно ворошить и переворачивать, чтобы она просохла со всех сторон. Потом шерсть выбивали длинным тонким прутком виноградной лозы. Долго и нудно, до волдырей в руках и радикулита в пояснице. Далее каждый (!) клочок шерсти нужно было распушить в руках, чтобы он стал невесомым и легким, как облачко.

Под одеяло покупалась специальная ткань, из нее шился наперник, его набивали шерстью, простегивали, а потом к одной стороне одеяла пришивался шелковый отрез, чтобы он красиво выглядывал из конвертика пододеяльника.

Адская работа. Поэтому, когда Ба бралась за нее, Маня перебиралась на день-второй к нам, чтобы не попадаться ей под горячую руку. Мама сидела с маленькой Сонечкой и не могла помочь Ба, зато она по мере возможности освобождала ее от других домашних забот. Поэтому в этот тяжелый период дядя Миша обедал и ужинал у нас.

– Спасибо, Надя, – говорил он маме, протягивая тарелку за добавкой, – если бы не ты, она бы давно уже простегала меня и Маню вместе с одеялами вдоль и поперек!

Мама делала бровки домиком, собирала губы в бантик, чтобы не рассмеяться, и предостерегающе кивала в нашу сторону. Дядя Миша отмахивался:

– Дети сами все знают!

В один из таких дней Ба позвонила маме:

– Я уже управилась с большей частью работы, пора набивать наперники шерстью, нужно, чтобы девочки подержали одеяло, пока я буду его простегивать. Отправь ко мне Наринку с Маней. И спасибо тебе, дорогая, за все, ты меня очень выручила.

– Ну что вы, тетя Роза! – Мама зарделась как школьница. – Не за что благодарить. – Девочки, – окликнула она нас, – Ба нужна ваша помощь!

– Хорошо, – мигом отозвались мы.

Кто бы посмел отказать Ба в помощи? Никто! Жить хотелось всем. Поэтому расстояние между нашими домами мы взяли резвым галопом за рекордно короткий срок.

Ба мы застали возле калитки. Она наспех чмокнула нас в щечки.

– Я в магазин за суровой ниткой, – бросила она на ходу, – ведите себя тихо, скоро буду.

Мы помахали для приличия ей вслед рукой и толкнули калитку. И окаменели от восторга. В центре двора на больших клеенках пенились воздушные клоки чистой белой шерсти. За три дня Ба успела ее промыть, просушить, взбить деревянным прутком и распушить облаком.

– Ух ты!!! – выдохнули мы. – Красота-то какаааа!

Шерсть была белоснежная и, казалось, искрилась на солнце.

– Ура, – запрыгала Манечка, – кругом лето, а у нас зима, вон посреди двора лежит целая куча снега!

Мы подошли поближе. Потрогали аккуратно шерсть – она приятно поскрипывала в руках и вкусно пахла стиральным порошком.

– А давай разуемся и походим по ней! – У Маньки загорелись глаза.

– Мань, – замялась я, – Ба нас за это по головке не погладит.

– Да ладно тебе, у нас же ноги чистые, мы осторожно! – Манька быстро скинула сандалики и ступила в шерсть. – Ой! – вскрикнула она. – Здорово-то как и немного щекотно.

Я последовала ее примеру. Ходить по шерсти оказалось сплошным удовольствием, она была пушистая и очень мягкая и доставала аж до Маниных коленок, а мне доходила до середины икр.

– Можно ласточкой в самую гущу нырнуть! – крикнула Маня и бросилась вниз головой.

Раздался глухой стук.

– Ой, мамочки, – Манина перекошенная мордочка вынырнула из шерсти, на лбу моментально раздулась шишка. Она потрогала ее. – Ты, это, поаккуратнее тут с нырянием, а то под клеенками голый двор, я вот на что-то твердое напоролась.

– Больно? – Я нагнулась присмотреться к шишке.

– Больно! – вскочила на ноги Манечка. – Только я потом буду расстраиваться, а то сейчас времени у нас в обрез!

Времени действительно было в обрез, поэтому мы спешили порезвиться вдоволь.

Сначала мы развлекались тем, что перекатывались по шерсти туда и обратно. Потом мы стали кидаться ею, словно снежками, друг в друга. Снежки по причине рыхлости отказывалась долетать до цели, поэтому приходилось кидаться друг в друга с разбега. Тормозить мы вовремя не успевали и вылетали на голую землю, увлекая за собой часть шерсти.

Потом Маня попала «снежком» мне в рот, и меня чуть не вывернуло, пока я извлекала изо рта волосики. С воплем: «Дура, что творишь!» – я кинулась на нее, и мы долго мутузили друг друга посреди ключьев шерсти.

Потом мы устали и решили помириться. Лежали рядышком и смотрели в небо.

– А я могу плюнуть так, что мой плевок поднимется в небо, а потом упадет тебе в лицо, спорим? – сказала я.

– До неба не доплюнешь, – лениво отозвалась Маня, – но попробовать можно.

И мы минут пять плевались вверх, с прицелом попасть друг в друга. Исплевали себя вдоль и поперек.

А потом Маня сделала роковое предложение.

– Нарка, – сказала эта вечная зачинательница самых опасных наших проделок, – а помнишь, как папа весной доводил до ума погреб?

Я помнила, конечно. Дядя Миша тогда завез цемента и песку и половину весны ковырялся в погребе. Ба ругалась, что он все не так делает, а дядя Миша огрызался, что она ничего не понимает в строительстве и ее место у плиты. Потом дядя Миша, по его словам, за что-то там не так дернул, и стена погреба пошла большой продольной трещиной.

Итого пришлось моему отцу договариваться с работягами со стройки, и они за два дня привели погреб в полный порядок. После этого какое-то время дядя Миша ходил тише воды ниже травы и старался не перечить Ба.

– Ну? – поторопила я Маню. – Помню, конечно. И что?

– Вот, – сказала Маня, – там остался песочек. Беленький такой, лежит в углу погреба, и Ба постоянно ругается с папой, чтобы он его вывез к реке, а папа говорит, что руки не доходят.

– Ну! – Я все не могла понять, к чему клонит Маня.

– А ведь этот песочек, если взять его горстями да кидать его над собой вверх, будет падать на нас, словно снег. Представляешь, какая красота? Стоим в снегу, а сверху на нас падает снег. Летом!

И тут на нас нашло окончательное затмение. Мы кинулись наперегонки в погреб. Чтобы не тратить время на переобувание, побежали босиком. Взяли по горсти песка в каждую руку и помчались обратно. Зажмурились и подкинули песок вверх.

Он посыпался на нас мелким колючим дождем.

– Ух ты! – заволновались мы и побежали за новой порцией песка.

Через несколько минут нашими общими стараниями воздушные облака взбитой белой шерсти превратились в серые нечесанные лохмы.

Потом, естественно, вернулась Ба. Зашла во двор с благодушной улыбкой на лице и увидела нас посреди свалывшейся шерсти.

И сказала «господибожетымой».

И судьба протрубила в рог Гьяллахорна, и нагрянул магический день Рагнарек.

– Ыхть! Ыхть! Ыхть!

Мы испугались еще больше.

– Аааааа, – заорали мы, – Бааааааааааа, помощи нам!

– Если вы сейчас же не заткнетесь, то я оставлю вас здесь навсегда, – пропыхтела зло Ба. Мы притихли. Ба еще какое-то время возилась за дверью, потом громко сказала «господибожетымой».

– Что? Снова «господибожетымой»! – зашлись мы в истерике. – Баааа, мы ничего такого не делали, только пописали на песочек в углу и всеоооооо, зачем же снова «господибожетымой» говорить?!!!

– Будете орать, вообще не выйдете оттуда, – выдохнула огнем Ба, и мы моментально притихли. – Потерпите чуть-чуть, скоро я вас выпущу.

Потом она куда-то ушла. На этот раз для разнообразия мы решили украсить томительное ожидание дружным иканием – на плач уже не осталось ни сил, ни слез.

Потом пришел сосед дядя Гор. Закаленный многолетним соседством с Ба, он не стал удивляться или задавать глупых вопросов, просто с нечеловеческим кряхтением отволоч в сторону ржавый мотор от старого дяди-Мишиного драндулета, которым Ба, в адреналиновом угаре, загородила дверь в погреб.

– Так ведь и до геморроя недалеко, – бросил он на прощание.

А потом Ба открыла дверь в погреб и наш Рагнарек возобновился.

Сначала она поволокла нас в ванную, где минут двадцать отогревала наши продрогшие чресла в крутом кипятке. Потом, когда в ванной отчетливо запахло консоме из детятины, она вытащила новую натуральную мочалку (акцентирую ваше внимание на слове «новая», потому что, если кто мылся натуральными мочалками, тот до сих пор недоумевает, почему ООН в своей Конвенции против пыток не наложила вето на мытье детей новыми натуральными мочалками). Итак, НОВОЙ натуральной мочалкой Ба отшлифовала наши тела так, что мы легко могли сойти, учитывая разницу в росте, за деревянную скалку и деревянный же, например, пестик. Притом, чем громче мы выли, тем усерднее Ба нас растирала.

А далее мы на своем опыте доказали, что пирамиды все-таки строили люди, а не инопланетяне. Потому что вдвоем, подгоняемые грозными окриками Ба, сначала помыли всю шерсть в пяти водах, потом сушили ее на солнцепеке, не забывая ворошить и переворачивать, потом мы ее выбивали деревянной палкой, нудно и долго, до волдырей на ладонях и боли в пояснице, а далее каждый клочок шерсти распушили нежным облачком.

И если кто из вас скажет, что Ба все-таки переборщила с «господибожетымым», то я с вами не соглашусь.

Ибо кару мы понесли вполне заслуженную, ага.

Глава 14

Манюня, или Как с большой для себя пользой съездить в Тбилиси

Дядя Миша, Манин папа, работал на релейном заводе инженером. Главный инженер – должность, безусловно, почетная. У дяди Миши в анамнезе были красный диплом политехнического института, кандидатская степень и кой-какие научные разработки. За все эти заслуги, а также за пятнадцатилетний непрерывный стаж работы на релейном заводе родина платила ему ежемесячно где-то около ста пятидесяти рублей. На эти деньги дядя Миша умудрялся не только обеспечивать всю семью, но и позволял себе маленькие мужские радости – если, конечно, эти радости проходили строгий таможенный контроль Ба.

А еще дядя Миша был однолюбом. Редкое для мужчины качество, ставящее жирный крест на его судьбе. Еще со школьной скамьи он любил девочку Галю Ицхакову. И вопреки воле Ба женился на ней. Естественно, свекровь невзлюбила невестку. В бедной Гале все было не так – и происхождение (рабоче-крестьянское), и вероисповедание (пф, выкрест), и вкусы (ты видел булатные зубы ее матери – это же ни в какие ворота не лезет), и образование (медсестра, даже на врача не удосужилась выучиться).

Ради справедливости нужно отметить, что Ба в принципе не могла ужиться с женщиной, которая покушалась на любовь ее сына. Тетя Галя боролась за свое семейное счастье долго и отчаянно, но потерпела фиаско – Ба была мастером изнурительной партизанской войны. Мане было пять лет, когда ее родители развелись. Ба сделала все возможное, чтобы внучка осталась с ней. Я не знаю, на какие ухищрения она пошла, может, пригрозила судье пытками или взяла в заложники всю его семью, но суд принял сторону дяди Миши, и Ба получила Манечку в безвозмездное пожизненное пользование. Тетя Галя потом снова вышла замуж, уехала в другой город и родила своему мужу троих детей. Маня периодически приезжала к ней в гости, и к чести Ба нужно отметить, что та никогда не препятствовала общению Мани с ее мамой.

Ба вообще была достаточно замкнутым человеком и мало кого «допускала к телу».

Моя семья стала редким исключением. Уж не знаю, чем мы ее взяли, может, количеством детей (четыре девочки!) или тем, что мама оказалась землячкой Ба, а может, тем, что папа не раз вытаскивал дядю Мишу из передраг, в которые тот регулярно попадал, но Ба раз и навсегда впустила нас в свое сердце и не выпускала оттуда уже никогда. Мы высоко ценили любовь Ба и бережно несли ее перед собой праздничным караваем.

Если у Ба случались какие-нибудь крупные размолвки с дядей Мишей, то плакаться она приходила к маме.

– Ты представляешь, Надя, – возмущалась она, громко отпивая горячий чай из большой чашки, – мне кажется, что у него кто-то есть!

– Тетя Роза, – маме хватило наглости возразить Ба, – Миша молодой мужчина, ему всего тридцать восемь, должен же он где-то оставлять свою... хм... энергию! – Последние слова она проговорила почти шепотом и, казалось, стала ниже ростом – Ба смотрела на маму тяжелым немигающим взглядом.

– Можно подумать, это аргумент! Я вот тридцать лет живу без мужика, и ничего! – рассердилась она.

По лицу мамы было видно, что она хотела бы возразить Ба, но сработал инстинкт самосохранения – и она промолчала.

Мы с Маней периодически, затаив дыхание, подслушивали диалоги Ба с мамой. Мане было жизненно важно, чтобы дядя Миша ни в кого не влюблялся, – она лелеяла тайную надежду, что родители когда-нибудь обязательно помирятся и снова поженятся. Видимо, об этом мечтал и дядя Миша, потому что так никогда и не решился на второй брак. Безусловно, как у любого здорового мужчины, у него были какие-то связи на стороне, но явок и паролей он никогда не сдавал, может, еще и потому, что, узнай об этом Ба, – и одной несчастной на этом свете стало бы меньше.

Самой большой легальной привязанностью дяди Миши, разумеется, после Манюни и Ба, был его автомобиль.

Автомобиль – весьма гуманное определение для того агрегата, на котором рассекал дядя Миша.

– Адам Казимирович Козлевич на своем «Лорен-Дитрихе» нервно закусывает зависть локтями, – комментировал папа, когда дядя Миша торжественно въезжал в наш двор на своем драндулете.

Манюнин папа являлся счастливым обладателем автомобиля повышенной проходимости, условно обозначаемого «ГАЗ-69». Почему условно обозначаемого – да потому, что дяде Мише от прежнего владельца машина досталась в весьма «модифицированном» виде – чего стоил один только кузов, собственноручно сваренный из железяк непонятного происхождения и предназначения!

Но дядя Миша не унывал. Он ласково назвал своего механического друга Васей, в честь главного конструктора Вассермана, под чутким руководством которого создавался сей вездеходный монстр, и два раза в год обязательно разбирал его на винтики и карданные валы. Далее он любовно протирал каждую деталь бензином, мазутом или чем полагается протирать детали «ГАЗ-69» 1956 года выпуска, а потом, что особенно удивительно, собирал машину обратно. Примечательно, что после каждой сборки Васи оставалась целая куча металлолома, которую дядя Миша аккуратно складывал на отдельную полку в погребе.

– Когда-нибудь найдем и этим деталям применение, а мой Вася и так поедет, – горделиво приговаривал он.

Если снаружи Вася смахивал на курятник на колесах и этим только интриговал неподготовленных зевак, то скудностью убранства кабины он ошеломлял людей уже по самые, ну не знаю, надпочечники, что ли.

В базовой комплектации производителем предполагались две трехместные продольные лавки для пассажиров. Но прежний владелец и сюда внес свои коррективы – за сиденьями водителя и переднего пассажира, вдоль боковых стен, были прибиты две деревянные, плохо отшлифованные доски. Усидеть на них по ходу движения было очень сложно, потому что держаться было не за что. Приходилось крепко упираться ногами в пол, а руками – в крышу автомобиля.

Если организовывался выезд на природу, то мама, Ба и младшие мои сестры садились в папину «копейку», которая на фоне дяди-Мишиного драндулета смотрелась как минимум «Кадиллаком», а я, Манька и моя сестра Каринка загружались в Васю.

Между деревянными продольными лавками Васи было достаточно большое пространство, куда складывали скарб для пикника – шампуры, замаринованное мясо, овощи-фрукты, пледы, мячи, ракетки для бадминтона, нарды, термос с чаем, теплую одежду. Нашей обязанностью было по ходу движения Васи придерживать это добро, чтобы оно не разлеталось по машине.

Не знаю, предполагала ли базовая комплектация «ГАЗ-69» амортизаторы, но на Васе их точно не было. Машину на дороге трясло так, словно ее вручили какому-то малютке-великану вместо погремушки.

– Кастрююююю держи! – орала Маня Каринке, придерживая ногой пакет с картофелем, одной рукой упираясь в железную крышу монстра, а другой лоя откатившийся зеленобокий арбуз. Кастрюля с замаринованным мясом выделяла по полу опасные пируэты и всячески грозила опрокинуться и оставить нас без шашлыка.

– Да мне бы шампуры поймать, – кряхтела Каринка, пестуя в руках огромный термос Ба, а ногой пытаюсь придерживать связку острых шампуров.

Мне с невероятным трудом удалось подцепить кастрюлю локтем – руки были заняты магнитофоном «Электроника-322», а ногами я придерживала пакет с фруктами.

«Ах, Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех», – надрывалась в магнитофоне Пугачева.

– Васидис! – вел уважительные переговоры с Васей дядя Миша. – Давай, родненький, идем на подъем.

– Вннннн-вннннннннннннннн, – преданно кряхтел железный монстр.

Дядя Миша, словно летчик-испытатель, увлеченно шуровал огромным количеством непонятных рычагов, торчащих по правую сторону от его сиденья.

– Кха-кха, вннннн, кха-кха, – надрывался Васидис и таки взбирался на очередной бугор тяп-ляп проложенной горной дороги.

Иногда, когда Вася находился в разобранном виде (в неглиже, хмыкала Ба), а дяде Мише срочно надо было куда-то ехать, он просил у папы его «копейку».

Практика открыла за дядей Мишей удивительную способность – если он пытался съездить куда-то на папиной машине, то обязательно попадал в передрыгу.

Когда дядя Миша взял папину «копейку» в первый раз, то на скорости сорок километров в час он въехал в стадо коров и выехал из него с обезумевшим от такого беспардонного обращения быком на переднем капоте. Бык отделался легким испугом, а капот погнулся так, что пришлось возвращаться, чтобы отремонтировать машину. При этом всю долгую дорогу до сервиса дядя Миша проделал со скоростью 10 км в час, потому что, когда он пытался хотя бы на километр прибавить в скорости, погнутый дугой капот распахивался и, загораживая ему весь обзор, клацал, словно голодными челюстями.

Когда дядя Миша во второй раз дорвался до папиной машины, он умудрился попасть в открытом поле под град величиной с хорошее куриное яйцо. Когда он въехал к нам во двор, папа чуть не скончался от зрелища, открывшегося перед его глазами, – весь кузов «копейки» был погнут в элегантный крупный горошек.

В третий раз, когда мой оптимистичный папа не отказал своему другу в просьбе, дядя Миша умудрился провалиться в огромную яму в таком безлюдном месте, что ему пришлось пройти пешком 15 км до ближайшего населенного пункта, чтобы позвонить отцу.

– Юра! – заикался он в трубку. – Я провалился в такую яму, что мама не горюй! Кажется, передняя ось погнулась, я плохо видел, потому что грязищи кругом – тьма-тьмуца. Может,

это даже не лужа, а болото, я плохо присматривался. Нужен трактор, слышишь меня, трактор, иначе машину не отбуксировать!

Папа запил радостную весть ведром валерьянки и поехал искать в субботний вечер трезвого тракториста.

– Все! – поклялся он торжественно на следующее утро, когда, заляпанные грязью по самые брови, они с дядей Мишей вернулись домой. – Это была последняя капля. Ни-ког-да! Ни-ког-да я тебе больше не доверю машину. Клянусь памятью своего прадеда, понял?

– Я сам не возьму в толк, что за напасть такая, – виновато разводил руками дядя Миша. – Вася, что ли, ревнует?

А потом случилось вот что.

Грянул 44-й чемпионат СССР по футболу, встречались команды высшей лиги «Динамо-Тбилиси» и «Арарат-Ереван». Матч должен был состояться в Тбилиси, и папа с дядей Мишей намылились поболеть за вечно уступающий соседям в счете «Арарат». Если я ничего не путаю, это был вопрос жизни или смерти – проигрыш нашей команды означал автоматический ее вылет из высшей лиги.

Мама с Ба были категорически против этой поездки.

– Что вы переживаете? – кипятился папа. – Машина совершенно новенькая, ехать всего пятьсот километров, и потом, я же не один поеду, со мной будет Миша, он, если что, подстрахует меня.

– Зисале, так об чем и речь, – всплеснула руками Ба, – если бы ты ехал один, я и слова тебе поперек не сказала бы. А тут с Мишей решил! Обязательно что-нибудь случится, вот увидишь.

– А что сразу Миша? – встрял дядя Миша. – Мамэле, я даже к рулю не прикоснусь, водить будет только Юра! Клянусь!

Поздним вечером 24 июня раздался междугородный звонок. Мама кинулась к телефону.

– Алло, – крикнула она в трубку, – алло!

– Отвечайте Тбилиси, – раздался бесстрастный голос оператора телефонной станции.

– Алло, алло, Надя? – сквозь шорох и треск прорвался голос папы.

– Это я! Что случилось? – выкрикнула мама.

– Продули три – ноль, – загробным голосом поделился папа.

– Уф, – вздохнула с облегчением мама, – а я-то подумала, случилось что.

– Это как посмотреть, – продолжил папа после минутного молчания.

– Что стряслось? – У мамы сошла краска с лица.

– Машину угнали, – промычал папа, – Миша пошел доставать из бардачка сигареты.

Ну, он открыл дверь, полез в бардачок, а тут его чем-то огрели, оттащили в сторону и угнали машину.

Мама села прямо на пол.

– Миша живой? – спросила сдавленным голосом.

– Конечно, живой, – рассердился папа. – Жив-здоров, даже сотрясение мозга не получил, – в голосе отца проскользнули нотки сожаления.

– И что теперь делать?

– Нужно тысячу рублей выслать нам!

– Сколько? Зачем? Откуда? – испугалась мама.

– Займи и вышли, – зачастил папа, – тут круговая мафия, я позвонил Юрику в Москву (Юрик, папин двоюродный брат, был одним из лучших сыщиков МУРа), он нажал на нужные рычаги, на нас вышли люди и потребовали тысячу рублей за то, чтобы вернуть машину. Юрик сказал, что надо откупаться, иначе машину мы вообще никогда не увидим.

Через три дня наши горе-болельщики возвращались домой. Настроение было паршивое. Дядя Миша после долгих раздумий решил выступить с рацпредложением:

– Юра, может, нужно освятить машину?

– В смысле – освятить? – От неожиданности папа сбросил скорость.

– Ну... это... как оно у вас называется... ну когда приглашается священник, вроде с кадилом...

Папа моментально вызверился.

– Чтобы ни один муذило с кадилом на пушечный выстрел к моей машине не подходил, понял?

– Понял! – Дядя Миша примирительно замахал руками. – Что ж тут непонятного, все понял!

Здесь надо сделать маленькое отступление и объяснить агрессивную реакцию моего отца. У папы были свои счеты с Богом. Они друг друга, скажем так, недопонимали. Или играли в сломанный телефон, но папа никак не мог смириться с правилами игры. Дело в том, что папа всю жизнь мечтал о сыне.

– Вот родится у меня сын, – строил он планы, – достойный продолжатель рода, будет он мне другом, опорой и поддержкой!

Но Боженька почему-то не считался с желаниями отца и одну за другой посылал ему дочерей.

Когда родилась я, папа даже обрадовался.

– Вот! – сказал он. – План на девочек выполнен, следующим точно будет мальчик!

– Юра, – мама сунула ему в руки меня, – посмотри, как она на тебя похожа!

– Что, и нос будет как у меня? – испугался отец.

– Нет, что ты, – соврала мама.

– Слава богу, – обрадовался отец, – тогда назовем ее Наринэ!

– **Наринэ, – зашелестели эхом духи наших предков, – огненная.**

– **Не это имя нужно было ей давать, – вмешался дух прапрабабушки Сирануйш, – надо было назвать ее...**

– **Шшшш, – зашикали на нее духи, – не вмешивайся...**

Потом родилась вторая девочка. Папа ходил мрачнее тучи.

– Юра! – Мама откинула уголок конверта новорожденной. – Посмотри, какая чудная девочка, очень на мою маму похожа.

Папа взял девочку на руки, погладил по щечке.

– И впрямь похожа, – вздохнул, – назовем ее Каринэ.

– **Каринэ, – от шепота духов наших предков затрепетали шторы в больничной палате, – ликующая.**

– **Другое нужно имя, – снова вмешался дух прапрабабушки Сирануйш, – есть персидское красивое имя...**

– **Шшшш, – зашикали на нее духи моих армянских и русских предков, – какие такие персидские имена?**

Потом родилась третья девочка. Папа места себе не находил, непрестанно курил, ругался куда-то вверх.

– Я у тебя чего-то невозможного прошу? – брызгал он слюной в небо.

– Юра, – мама сунула ему в руки девочку, – посмотри, какая она красивая, копия твоего отца.

Папа взял девочку на руки, долго вглядывался в лицо.

– И в самом деле на отца похожа, – умилился он, – назовем ее Гаянэ.

– **Гаянэ, – заволновались духи наших предков, – земная.**

– **Имя – это сакральный код, – вмешался снова дух прапрабабушки Сирануйш, – оно должно символизировать...**

– **Что? – обернулись к ней духи.**

– Твой посыл Вселенной, – зашептала Сирануйш, – девочку нужно назвать Сона. Сона в переводе с фарси означает «красивая». Но есть еще второе значение этого слова – «достаточно».

– Подождите, но Сона – это армянское имя, – встряла прапрабабушка Тамара.

– Пф, – фыркнула прабабушка Анна, – есть хоть что-нибудь в мире, что не армяне придумали?

– Да ты что, Анна, – хохотнул прадед Иван, – вначале были армяне, и только потом – свет!

– Да где ты был, когда мы уже христианами были... – полезла в бой Тамара.

– Вооорс утееееееееек! ⁵ – раздался грозный рык прапрадеда Пашо.

Все притихли.

– Развели тут курятник! Заткнулись все! Говори, Сирануйш!

– Спасибо, Пашо, лучше бы ты при жизни так меня слушался, – хмыкнула Сирануйш.

– Вооооорс! – прогрохотал Пашо.

Сирануйш вздохнула.

– Если назвать девочку Сона, что в переводе с фарси означает «достаточно», то следом обязательно родится мальчик!

– Сона, – заволновались духи предков, – девочку нужно назвать Сона!

– Хорошо, пусть будет Гаянэ, – улыбнулась мама папе.

А потом мама забеременела в четвертый раз.

– Бог любит троицу, – потирал руки папа, – три дочери у меня уже есть, теперь точно будет мальчик!

Однажды он ворвался в дом с большим топором наперевес. Мама обхватила руками живот и забилась в угол. Папа был явно не в себе, он отчаянно жестикулировал, нервно ходил лицом и всячески напоминал умалишенного.

– Вот! – тряс он томагавком над головой. – Смотри, что я нашел в лесу! Топор! Оружие! Это знак!!! Теперь точно будет мальчик!

Когда родилась четвертая девочка, папа месяц с лишним ходил с немим вопросом на лице. Родные всерьез беспокоились о его душевном равновесии, поили отваром пустырника и зверобоя, кормили валерьянкой.

– Юра, – мама подвела его к кровати, – посмотри, как она на моего отца похожа!

– А что, она не могла быть мальчиком, похожим на твоего отца? – гаркнул отец.

– Она родилась с седой прядью в волосах, – заплакала мама.

– Да? – смягчился папа. – Видимо, знала, что я буду расстраиваться. Назовем ее...

– Сона, – наклонилась к его уху прабабка Сирануйш, – назови ее Сона, сынок.

– Мне кажется, ее нужно назвать Сона, – сказала мама, – почему-то это имя пришло мне сейчас на ум.

– Ну наконец-то, – вздохнули духи наших предков.

– Ну наконец-то, – засмеялась Сирануйш.

Папа не умел слышать шепота духов предков. И не замечал знаков судьбы в виде белой пряди волос в кудрях своей младшей дочери. Папа всю жизнь страстно мечтал о сыне. И затаил большую обиду на Бога.

Дядя Миша уже крепко дружил с папой, когда родилась Сонечка. Дядя Миша наравне с отцом пил зверобой и закусывал его валерьянкой.

⁵ Съешьте мою задницу (уж извините, но из песни слов не выкинешь).

Вот почему, когда он предложил отцу освятить машину, тот моментально вышел из себя. Вот почему дядя Миша не стал спорить со своим другом, и всю оставшуюся дорогу они проехали в гордом молчании.

Когда папа довез его до дома, дядя Миша повернулся к нему:

– Я продам своего Васю и покрою твой долг, – сказал он.

– Если хоть копейку мне принесешь, я с тобой никогда больше здороваться не буду, – забарабанил пальцами по рулю папа.

Помолчали.

– Хоть бы вничью сыграли эти идиоты, – вздохнул дядя Миша.

– Это еще вопрос, кто тут идиоты, – ответил отец, – потратиться на билеты, гостиницу, проездить туда-обратно тысячу километров и выкупить свою машину может только очень умный человек.

– Понимаешь, Надя, – рассказывала потом Ба, – это надо было видеть, сидят в машине и хохочут в голос. С завываниями, охами-ахами, заламывая руки. Аж слезы по лицу ручьем текут. Только и слышно сквозь смех – идиоты, идиоты. Я даже выходить к ним не стала, ждала, пока отсмеются. Идиоты, что с них взять!

Глава 15

Манюня и двойные стандарты красоты, или Как можно разжалобить Ба

Ба считала мух опасным источником грязи и ненавидела их что есть мочи.

Мухи хорохорились и делали вид, что этого не замечают. Мухи не соображали, кому они бросают вызов, поэтому по дурости своей всячески лезли на рожон: залетали в форточки, назначали свидания у мензурок с вареньем и ходили парами по чисто протертой мебели. Ба мигом пресекала наглые притязания мух на ее личное пространство. Для этих целей у нее имелся целый арсенал разнообразных мухобоек – от простых пластиковых, которые разваливались буквально через месяц немилосердного обращения, до более основательных, с металлической длинной ручкой и тяжелой резиновой сеткой. Последние были из разряда долгоиграющих, и такой мухобойкой взерепенная Ба могла легко скопытить не то что муху, а половозрелого африканского буйвола.

Я не могу, конечно, этого утверждать, но очень даже может быть, что наученные горьким опытом мухи всячески старались умастить Ба. Может, в своем мушином царстве они в спешном порядке проводили реформы, как то: господствующим строем объявляли матриархат, выпускали из тюрем всех женщин-политзаключенных, в рекордные сроки воздвигали храмы с идолами, стоящими по пояс в земле и отдаленно напоминающими Ба, а также переименовывали столицу из Мухосранска в Розиосифск.

Может, даже специально назначенная комиссия ежеквартально выбирала из числа молоденьких мушек прекрасную деву для жертвоприношения немилосердному Молоху. Возможно, бедняжку натирали ароматическими маслами, обкуривали благовониями, вешали на грудь полярное изображение Ба и запускали в дом.

Я не могу знать, на какие еще ухищрения шли мухи, чтобы пробудить в Ба хоть капельку сострадания. Ясно было одно – Ба не знала, что такое милосердие к мухам. Ба прихлопывала одной левой трепетную мушину Андромеду и шла дальше по своим делам.

Когда Ба торжественно говорила: «Завтра у меня уборка», – то у всех жителей северových районов Армении портилось настроение. Потому что Ба не умела убираться так, как убиралась среднестатистическая советская хозяйка – пропылесосил, протер полы, поелозил тряпкой по выступающим частям мебели. Ну и постирал-погладил.

Еженедельная уборка а-ля Ба предполагала ритуальный утренний геноцид мух, а далее по накатанной – протирку пыли влажной тряпкой со всех предметов и поверхностей, включая антресоли и шкафы. Мытье межкомнатных дверей и окон с подоконниками (слава богу, что только изнутри – окон в доме было миллион штук). Уборка включала в себя также остервенелую двойную протирку полов с обязательным перетаскиванием мебели, чтобы не дай бог ни одна пылинка не завалилась в каком-нибудь уголке. Далее производилось тщательное мытье всех раковин-унитазов и кафельных поверхностей до зеркального блеска. Непременным ритуалом была стрика, обязательно с синькой и крахмалом, и глажка.

А апофеозом этого мучительного дня становилось тщательное мытье Мани в семи водах до победного скрипа. Дядя Миша, как опытный диссидент, отстоял-таки единоличное право на свою гигиену и мылся сам.

В один из таких трудных дней я позвонила Маньке, чтобы позвать ее к нам переждать стихийное бедствие под названием «Ба убирается».

– Ты можешь зайти за мной? – шепотом попросила Маня.

– Зачем? Сама не дойдешь?

– Я тебя как друга прошу, – рассердилась Манька, – тебе трудно до нашего двора дойти?

Поговорить надо, а у тебя не дадут.

Через пять минут я уже была у нее. Встретила она меня с таким лицом, что мне сразу стало ясно – случилось что-то непоправимое. Маня молча приложила палец к губам и повела меня в гостиную.

– Где Ба? – шепотом спросила я.

– На втором этаже, протирает окна.

– Так что случилось?

– Я случайно сломала плафон бра.

– Чешского? – Я похолодела.

– Да!

У меня захватило дыхание. Историю о том, как Ба простояла сутки в ленинградской очереди за люстрой и бра, мы знали наизусть. Героизм Ба заключался не в том, что она раздобыла в невероятной давке светильники потрясающей красоты. А в том, что когда она с коробками вернулась в гостиницу и обнаружила трещину на одном из плафонов, то по горячим следам вернулась в магазин, боем взяла прилавок и заставила продавщицу поменять сломанный плафон на целый! Я думаю, в магазине «Свет» ее запомнили на веки вечные.

Мне стало дурно.

– Как это ты умудрилась? – спросила я, разглядывая длинную продольную трещину на плафоне.

– Случайно, – заплакала Манюня, – погналась за мухой, она села на плафон, ну я и не подумавши хрястнула со всей силы!

На Маню было жалко смотреть – губы тряслись, боевой чубчик на голове поник и позорно повис надо лбом.

Я повернула плафон трещиной к стене.

– Пойдем отсюда, слезами горю не поможешь.

Мы выскользнули за дверь и поплелись к нашему дому со скоростью похоронной процессии. Настроение у обеих было препаршивое.

– Убьет ведь! – тяжело вздыхала Манюня.

– Убьет! – горько соглашалась я.

Во дворе нашего дома мы столкнулись с моей сестрой Каринкой. Ну, то есть как столкнулись, сначала из-за угла здания вылетела свора дворовых собак, потом группа испуганных

мальчишек, а следом с гиком выскочила Каринка. Каринка дико щерилась и грозно трясла длинной грязной метлой. Волосы у нее были всклокочены донельзя, на лице, во всю левую щеку, красовался длинный чапаевский ус, подол платья был изорван практически до трусов.

– Откуда метла? – невозмутимо поинтересовалась я. Мою невозмутимость, которой бы позавидовал сам Сфинкс, легко можно было объяснить: все в облике моей сестры – и угольный ус, и всклокоченные вихры, и разодранное практически в клочья платье – было вполне обыденным явлением.

– Украла в подсобке у дворника, – шмыгнула Каринка. Она провела указательным пальцем под носом, и рядом с одним усом у нее на лице появился второй.

– Покажи руки, – скомандовала я.

Каринка растопырила пальцы – руки ее были вымазаны чем-то черным.

– Это что такое?

– Уголь, я сначала кидалась в этих балбесов углем, а потом обмакнула в грязь метлу и погнала их как гусей.

Моя сестра была сущим наказанием для всего подрастающего мужского населения нашего квартала.

Мальчики боялись ее как огня – она могла с легкостью поколотить любого из них. Если у какого-нибудь несознательного мальчика почему-то отказывал инстинкт самосохранения и он обижал девочку, то эта девочка напрямик шла жаловаться моей сестре. А далее часы этого мальчика были сочтены – сестра находила его, и все заканчивалось тем, что вечером к нам в дверь скреблась очередная мама, держа за руку очередного покалеченного сына.

– Кто бы мне объяснил, за что я страдаю! – восклицала мама, отвечивая сестре очередной фирменный подзатыльник.

Мы с Манькой очень гордились Каринкой. Пока Каринка оставалась моей сестрой, ни один мальчик не смел подойти к нам ближе, чем на пушечный выстрел. А так как уходить к другим родителям в обозримом будущем сестра не намеревалась, то мы чувствовали себя как у Бога за пазухой.

– Что щас расскажу, что щас расскажу, – забегала глазами по лицу Каринка.

– Что?

– Знаете, чего мне Маринка из тридцать восьмой квартиры рассказала? Что если кто-то сильно скосит глаза к переносице, а в этот момент его чем-то тяжелым ударят по голове, то он останется косым на всю жизнь. Вот!

– Врешь небось!

Каринка выставила вперед свои грязные руки, чтобы мы видели, что она не скрещивает пальцы.

– Клянусь! – поклялась торжественно. – Я и Маринку заставила поклясться и внимательно следила – она пальцы на руках не скрещивала. И даже ноги не скрестила. И даже пальцы на ногах! Я все видела!

Мы переглянулись.

– Это надо же, что в мире творится, – ошарашенно протянула Манюня.

– Давайте я с вами пойду домой, авось проскочу, и мама не заметит, что я платье порвала, – заканючила Каринка.

Мы согласились, хотя знали совершенно точно – мимо маминого взора порванное платье невозможно было пронести. Мы встали перед входной дверью так, чтобы заслонить сестру спинами, и нажали на звонок. И сразу поняли о провале операции, потому что мама открыла нам с таким выражением лица, что мы молча расступились – сестру бы уже все равно ничего не спасло!

Мама затащила Каринку в квартиру, подцепила ее, кажется, за лопатку и, как жертвенную овцу, поволокла в ванную комнату. Молча!

Мы с Маней затравленно прислушивались к голосам, раздававшимся из ванной комнаты.

– Сколько можно, – ругалась мама, – ну сколько можно!

– Ааааа, – орала Каринка, – я нечаянно порвала платье, мам, я не специально, это я когда через окно в подсобку пролезлаааааа!

– Раздевайся! – проорала мама так, что штукатурка посыпалась с потолка. – Снимай все!

Потом послышался плеск воды.

– Топит она ее, что ли? – вылупилась Маня.

Экзекуция Каринки напомнила нам о сломанном плафоне и, естественно, не добавила оптимизма – мы понимали, что и Маню поджидает такая же участь.

Минут через десять отворилась дверь ванной, и оттуда выползла чисто отстиранная сестра. Она куталась в банный халат, мокрые волосы были немилосердно прилизаны к голове, глаза припухли от слез. Кроме пламенно алеющего и увеличенного в размерах раза в два уха, других повреждений мы не заметили. Следом из ванной вышла мама.

– Марш все в детскую, и чтобы ни слуху ни духу вашего не было, понятно? – рявкнула она.

Мы припустили в комнату стайей испугнутых сайгаков, а когда пробежали мимо мамы – инстинктивно втянули головы в плечи.

В комнате мы сочувственно разглядывали ухо Каринки.

– Больно было?

– Не очень, – шмыгнула сестра, – больнее было, когда она мне мокрые волосы расчесывала.

– А если у тебя ухо навсегда останется красным? – испугалась я.

– Не останется, – махнула рукой сестра, – если твое ухо от удара ведром пришло в норму, то почему мое должно остаться таким?

Я потрогала свое ухо. Все правильно, не прошло и месяца после знаменитого удара пластмассовым ведром по моему многострадальному уху, а оно вполне уже обрело прежние свои очертания.

Вообще наступили тяжелые времена. Нас уже сильно беспокоила наша внешность. И если Каринке было наплевать, что у флейтистки Ангелины уже выросла небольшая грудь, а у нас хоть шаром покати, то мы с Маней по этому поводу сильно переживали. Нам было по одиннадцать, и мы отчаянно хотели быть красавицами.

Меня волновал мой высокий рост, я уже вымахала аж до 165 см и могла похвастаться 38-м размером ноги. К тому же, для пущего счастья, у меня посреди лица вырос достаточно крупный нос с горбинкой.

– Мам, – пожаловалась я как-то маме, – ну почему у всех наших детей носы как носы, а у меня не пойми что?

– Ну что ты, дочка, – мама погладила меня по голове, – у тебя аристократический нос, с горбинкой, твой профиль называют римским! Такие носы были у античных богов и богинь!

– Да? – обрадовалась я.

– Ну конечно!

Манька скосила глаза к переносице.

– Я тоже хочу горбинку, – обиделась она, – чтобы как у античных богов!

– Зачем тебе горбинка? – засмеялась мама. – Ты и так красавица!

Маня надулась. В том, что она красавица, Манюня ничуть не сомневалась. Только лишняя горбинка на носу ни одной красавице не помешает!

Поэтому если меня беспокоила моя горбинка, то Манечку беспокоило как раз ее отсутствие. Так и жили, тайно завидуя друг другу.

Мы тихонечко ковырялись у себя в комнате, рисовали цветными карандашами. Потом вытащили альбом творческого наследия эпохи Возрождения и стали его пролистывать. Осо-

бенно пристально, пока мама гремела посудой на кухне, рассматривали мужское достоинство Давида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.